

ISSN 0202—151X

**ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

1984

12

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1984

12

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, акад. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР А. А. АСКАРОВ, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР В. В. КИМ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), член-корр. АН УзССР С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, член-корр. АН УзССР А. Х. ХИКМАТОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

*Редактор И. А. Маркман
Технический редактор Г. Ю. Чурина*

Сдано в набор 4.01.85. Подписано к печати 31.01.85. P01025. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4.9. Уч.-изд. л. 5.2. Тираж 1109. Заказ 13. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР, Ташкент, 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан», Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» УзССР, 1984 г.

С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ

ЗА ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ МЕЛИОРАЦИИ

Важнейшей составной частью экономической стратегии Коммунистической партии является аграрная политика, направленная на дальнейший подъем сельского хозяйства, укрепление экономики страны, повышение благосостояния советских людей.

В результате претворения в жизнь этой политики достигнуты крупные успехи в развитии сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в целом, решены многие задачи социально-экономического переустройства села. Два года, прошедших после принятия майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС Продовольственной программы, отмечены значительным ростом производства сельскохозяйственной продукции. Среднегодовое производство молока в стране увеличилось на 7,4 млн. т, мяса — на 1,4 млн. т, яиц — на 4,6 млрд. шт. Резко возрос сбор овощей и фруктов. Это позволило повысить уровень потребления некоторых ценных продуктов, что сказалось на улучшении структуры питания советских людей.

Вместе с тем темпы роста производства сельскохозяйственной продукции еще не полностью отвечают возрастающим потребностям. Наше сельское хозяйство пока во многом зависит от капризов погоды. Участвовавшие в последние годы засухи и маловодье приводят к существенному снижению урожайности сельхозкультур и заметным колебаниям валовых сборов зерна, кормов, другой сельскохозяйственной продукции. В связи с этим ЦК КПСС и Советское правительство признали необходимым осуществить дополнительные крупномасштабные мероприятия по интенсификации сельского хозяйства, дальнейшему развитию всего агропромышленного производства.

Центральное место в ряду этих мер занимает утвержденная октябрьским (1984 г.) Пленумом ЦК КПСС Долговременная программа мелиорации и повышения эффективности использования орошаемых земель в целях устойчивого наращивания продовольственного фонда страны.

Выступивший на Пленуме Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко указал, что выполнение Долговременной программы развития мелиорации должно стать всенародным делом. «Это позволит, — подчеркнул он, — сделать новый крупный шаг в создании высокоразвитого и устойчивого сельскохозяйственного производства, поднять на более высокую ступень всю советскую экономику».

Орошаемое земледелие служит важным фактором социалистического преобразования деревни, получения устойчивых, гарантированных урожаев.

Еще в 1921 г. В. И. Ленин в письме к коммунистам Кавказа указывал: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму». Эти ленинские слова не утратили своей актуальности и сегодня.

Принятие Долговременной программы развития мелиорации имеет

особое значение для районов орошаемого земледелия, в том числе Узбекистана.

Поливные земли, занимающие лишь 8% общесоюзной пашни, дают около 30% валового объема сельскохозяйственной продукции. В Узбекской ССР выход продукции с одного орошаемого гектара (руб.) в 10 раз выше, чем с гектара неполивной площади.

Состоявшийся в ноябре 1984 г. XVIII пленум ЦК Компартии Узбекистана рассмотрел вопрос «Итоги октябрьского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС и задачи республиканской партийной организации по реализации Долговременной программы мелиорации и повышения эффективности использования орошаемых земель, выполнению положений и выводов, содержащихся в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища К. У. Черненко». Конкретные задачи мелиораторам, работникам агропромышленного комплекса и других отраслей были поставлены в докладе первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана И. Б. Усманходжаева.

Узбекистан — один из крупнейших районов поливного земледелия. За годы Советской власти в республике накоплен огромный опыт ирригационного и мелиоративного строительства, освоения обширных массивов целинных земель Голодной, Джизакской, Каршинской, Сурхан-Шерабадской степей, низовьев Амударьи.

Водохозяйственные организации республики, располагая мощной материально-технической базой, ежегодно обеспечивают подготовку к освоению до 100 тыс. га новых земель.

На современной технической основе в республике созданы крупнейшие водохранилища — Андижанское, Чарвакское, Туямунское, Талимарджанское и др.

Значительный размах получила межбассейновая переброска воды путем строительства магистральных каналов большой протяженности — Большого Ферганского, Андижанского, Аму-Бухарского, Южно-голодностепского и др. На них построены мощные насосные станции, поднимающие воду на высоту до 300 м. Общая протяженность оросительной сети в республике достигла 180 тыс. км.

Только за период после майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС в развитие водного хозяйства республики вложено около 21 млрд. руб. Площадь орошаемых земель увеличилась в 1,4 раза и достигла 3,7 млн. га. Создано более 200 оросительных систем высокого инженерного уровня, в основном завершено многолетнее регулирование стока Сырдарьи и сезонное — Амударьи.

Немалый вклад в развитие мелиорации и ирригации, создание научно обоснованной системы ведения сельского хозяйства в условиях орошаемого земледелия внесли ученые республики. Прделана огромная работа по созданию эффективной структуры посевов хлопчатника, выведению скороспелых и высокоурожайных его сортов, разработке наиболее прогрессивных и экономичных способов водопотребления и т. д.

Все это обеспечило расширение площадей орошаемых земель, повышение культуры земледелия и плодородия почв, рост производства хлопка, другой сельскохозяйственной продукции.

Богатый опыт освоения орошаемых земель, накопленный мелиораторами Узбекистана, выходит далеко за рамки республики.

В речи на торжественном заседании, посвященном 60-летию Узбекской ССР и Компартии Узбекистана, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР В. И. Воротников отметил: «Сегодня опыт Узбекистана по мелиорации земель изучают и применяют с учетом своих условий в российском Нечерноземье и на Волге, на Северном Кавказе и на Дальнем Востоке. А во Владимирской и Ивановской, Новгородской и Тюменской областях узбекские мелиораторы оказывают прямую шефскую помощь труженикам села»¹.

¹ Правда Востока, 1984 г., 9 декабря.

Однако, как отмечалось на XVIII пленуме ЦК КПУз, в области мелиорации и водохозяйственного строительства в республике имеются серьезные недостатки.

Крайне низка еще отдача от огромных средств, вложенных в орошение и освоение новых земель. Многие хозяйства, даже целые районы, получают недопустимо низкие урожаи. При проектировании, строительстве ирригационных систем допускались серьезные ошибки и технические просчеты.

Научные и проектные институты, как подчеркивалось на пленуме, еще не на должном уровне занимаются вопросами рационального использования водных ресурсов, механизации и автоматизации поливов.

Неравномерно используется вода на орошение по областям республики. Так, если в Ферганской долине на 1 га орошаемой земли расходуется 11—12 тыс. м³ в год, то в Хорезмской области и ККАССР — 21—25. Непроизводительные расходы воды связаны со слабым внедрением прогрессивных способов поливов; на опытной стадии находятся пока капельное и подпочвенное орошение; механизация основного в республике бороздкового полива не получает должного развития.

Мероприятия по мелиоративному оздоровлению подверженных засолению земель (а их в республике насчитывается до 1 млн. га), осуществление которых может позволить получить дополнительные ресурсы воды, проводятся медленно, не уделяется должного внимания развитию эффективных видов дренажа — вертикального и горизонтально-закрытого. Удельная протяженность дренажной сети намного ниже нормы.

В соответствии с решениями октябрьского Пленума ЦК КПСС, в Узбекистане предстоит выполнить широкий объем работ. В частности, площадь орошаемых земель республики намечено довести к 2000 г. до 5—5,5 млн. га. Немало предстоит сделать по улучшению мелиоративного состояния орошаемых земель, комплексному освоению Каршинской и Джизакской степей, Караулбазарского и Кизилинского массивов. Одновременно с освоением новых земель будут продолжены строительство каналов, реконструкция мелиоративных систем. Реализация этих больших созидательных планов требует улучшения организации мелиоративно-строительных работ, повышения уровня их индустриализации.

В этой связи решением XVIII пленума ЦК КПУз намечено разработать мероприятия по развитию мелиоративных земель в республике на 12-ю пятилетку и программу мелиорации на перспективу до 2000 г.

Важная роль в осуществлении поставленных задач отводится Академии наук, проектным и научно-исследовательским учреждениям республики. Ученым предстоит улучшить работу по исследованию проблем повышения продуктивности и устойчивости орошаемого земледелия, селекционно-семеноводческую работу по хлопчатнику и другим культурам, экономической эффективности мелиорации.

В частности, в плане экономного и рационального использования водных ресурсов должны быть продолжены исследования по техническому улучшению гидромелиоративных систем, выявлению дополнительных резервов воды, совершенствованию оптимальных поливных норм, автоматизированного управления водой до границ хозяйств-водопользователей и др.

Следует расширить исследования, связанные с коренным улучшением мелиоративно неблагополучных земель, комплексным регулированием водно-солевого режима почв, выведению засухоустойчивых сельхозкультур (в первую очередь хлопчатника), разработать эффективные биологические методы защиты растений, добиться полного освоения севооборотов. К решению этих задач следует привлечь институты почвоведения и агрохимии, экспериментальной биологии АН УзССР, институты ВАСХНИЛ и МСХ УзССР.

В свете указаний XVIII пленума ЦК КПУз, ученые СОПСа, Института экономики АН УзССР должны усилить внимание к разработкам перспективных планов развития мелиоративных работ в зонах старого и нового орошения, рационального использования трудовых ресурсов, перераспределения их из густонаселенных районов и областей на вновь осваиваемые земли и т. д.

Научные исследования в области мелиорации земель должны учитывать региональные особенности республики, где ощущается острый дефицит воды, местные водные ресурсы близки к исчерпанию, а также исходить из необходимости сохранения окружающей среды. Это особенно касается научных исследований по проблеме переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан.

Октябрьский (1984 г.) Пленум ЦК КПСС придал новый импульс научным исследованиям по этой проблеме, имеющей исключительное значение в дальнейшем развитии экономики Среднеазиатского региона.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О Долгосрочной программе мелиорации» записано: «Завершить разработку проекта строительства канала Сибирь—Средняя Азия»². Поэтому ученым и специалистам водного хозяйства уже в ближайшие годы надо дать ясный и четкий ответ, как и на каких землях должны быть с наибольшей отдачей использованы эти воды.

Исследования по проблеме переброски ведутся в республике более 10 лет. В них участвует большое число академических институтов, ведомственных научно-исследовательских и проектных учреждений. Так, СОПС АН УзССР проводит исследование по теме «Социально-экономические проблемы переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан», результаты которого использованы Союзгипроводхозом в технико-экономическом обосновании (ТЭО) переброски. Разработан также долгосрочный прогноз развития и размещения производительных сил Узбекистана с учетом переброски.

Отдел географии АН УзССР разрабатывает географический прогноз последствий территориального перераспределения водных ресурсов. Институт почвоведения и агрохимии АН УзССР работает над оценкой изменения почвенно-мелиоративного состояния территории в зоне влияния перераспределения стока. Институт зоологии и паразитологии АН УзССР разрабатывает прогноз изменения наземных экосистем в связи с территориальным перераспределением водных ресурсов на Азиатской территории СССР. Институт кибернетики с ВЦ АН УзССР проводит исследования по созданию и внедрению АСУ водохозяйственными системами территориального перераспределения стока.

С целью повышения научной обоснованности переброски сибирской воды в Среднюю Азию и Казахстан надо повысить эффективность исследований по социально-экономическим проблемам переброски, акцентируя внимание на вопросах занятости быстрорастущих трудовых ресурсов на перспективу.

Одна из важнейших — проблема Аральского моря и Приаралья. XVIII пленум ЦК КПУз специально указал на необходимость неустанной заботы об охране и улучшении экологической зоны Аральского моря. С 1960 г. идет неуклонное снижение уровня моря, что вызвано усиленным изъятием стока Амударьи и Сырдарьи на орошение. Возросла соленность аральских вод. Все это привело к снижению хозяйственного значения моря.

Учитывая это, СОПС АН УзССР совместно с другими научно-исследовательскими организациями в течение ряда лет разрабатывает прогноз социально-экономического развития низовьев Амударьи на перспективу с учетом максимального предотвращения ущерба от снижения уровня Аральского моря. В частности, рекомендованы одобрен-

² Правда, 1984 г., 27 октября.

ные многими заинтересованными организациями мероприятия, как перевод стока Дарьялыкского и других коллекторов в сторону дельты Амударьи для ее сельскохозяйственного освоения, фитомелиорация обсохшего дна Арала и дельты Амударьи, организация питьевого водоснабжения, ускоренное освоение минерально-сырьевых ресурсов региона и др.

В целях осуществления указанных предложений должна быть разработана целевая комплексная программа освоения производительных сил Приаралья. Важнейшие мероприятия по этой проблеме, по нашему мнению, должны быть включены в народнохозяйственные планы экономического и социального развития Узбекской ССР, начиная с 12-й пятилетки.

Мощным фактором повышения эффективности мелиорации, роста производительности труда, рационального использования водных и земельных ресурсов служат ускорение научно-технического прогресса, внедрение передового опыта.

Главная задача технического прогресса в области ирригации и мелиорации — создание технически совершенных оросительных систем, обеспечивающих наиболее рациональное и экономное использование водных ресурсов для получения максимально возможной продукции орошаемого земледелия.

Таковыми технически совершенными системами ныне представляются системы с централизованным автоматизированным управлением всем комплексом ирригационных сооружений и устройств в речных бассейнах или в их крупных частях, с телемеханическим распределением воды, механизацией полива оптимальными нормами, минимальными непроизводительными потерями воды и с обеспечением устойчивого оптимального мелиоративного состояния орошаемых земель.

В Комплексной программе научно-технического прогресса Узбекской ССР, разработанной Академией наук, научно-исследовательскими, проектными институтами определены основные направления научно-технического прогресса в ирригации и мелиорации. К их числу относятся:

разработка и внедрение технологии полной индустриализации водохозяйственного строительства на основе новой специализированной техники (мощные роторные и шагающие экскаваторы, землесосные снаряды, самоходные скреперы и бульдозеры, подъемное, транспортное, насосное и буровое оборудование), позволяющей ускорить темпы работ, обеспечить лучшее качество, повысить производительность труда;

широкое применение сборных железобетонных, силикальцитных и других конструкций из укрупненных блоков, освоение производства лотков крупных параметров улучшенной конструкции и напорных трубопроводов;

разработка путей повышения эффективности ирригационно-мелиоративных работ, использования резервов снижения удельных капиталовложений, материалоемкости и фондоемкости строительства;

ускорение строительства водохранилищ для сезонного и многолетнего регулирования речного стока на всех водотоках как одного из эффективных мероприятий по наиболее полному использованию имеющихся водных ресурсов;

разработка программы комплексного использования подземных вод, включая уточнение их эксплуатационных запасов и качества, направлений, способов и техники использования; мер охраны от истощения и загрязнения, методов опреснения минерализованных подземных вод;

рационализация промышленного водопотребления. Необходимо, чтобы каждая отрасль промышленности установила для своих предприятий жесткие и прогрессивные нормы потребления воды на единицу продукции, осуществила разработку и внедрение безводной техно-

логии производства, организацию оборотного водопользования и полную техническую, химическую и биологическую очистку промышленных стоков. Наряду с этим должен быть осуществлен максимально возможный перевод водоснабжения промышленных предприятий на подземные воды;

коренная реконструкция существующих оросительных систем и повышение их к. п. д.;

внедрение АСУ оросительными системами и др.

Усилия научного и технического характера необходимо дополнить организационными мероприятиями. Давно назрела необходимость, — а в свете требований октябрьского Пленума она стала особенно актуальной, — создания в системе Академии наук УзССР Института водных проблем. Такой институт мог бы стать центром научных исследований в республике по проблемам использования водных ресурсов и водопотребления.

Октябрьский (1984 г.) Пленум ЦК КПСС потребовал от ученых, в том числе экономистов, повышения эффективности исследований по проблемам мелиорации, приближения науки к конкретным задачам, выдвинутым практикой социалистического строительства. И ученые Узбекистана могут и должны внести свой вклад в решение актуальных проблем мелиорации земель в интересах устойчивого наращивания продовольственного фонда страны, дальнейшего повышения благосостояния советских людей.

К. К. КАМИЛОВ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ АПРЕЛЬСКОГО (1984) ПЛЕНУМА ЦК КПСС

Апрельский (1984 г.) Пленум ЦК КПСС уделил большое внимание улучшению деятельности Советов народных депутатов — политической основы СССР, могучего орудия социалистического строительства. В речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко на Пленуме дана всесторонняя оценка роли и места Советов в жизни нашего общества, выдвинуты большие задачи по повышению их влияния в хозяйственном и культурном строительстве, обеспечении комплексности экономического и социального развития, более полном удовлетворении запросов трудящихся, воспитании советских людей в духе интернационализма, готовности защищать свою Родину, великие завоевания социализма. Пленум ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем улучшении работы Советов народных депутатов».

Курс на всемерное повышение роли Советов во всех сферах жизни общества последовательно и настойчиво проводился и проводится нашей партией и ее Центральным Комитетом. Эта линия берет начало в Октябрьской революции, в трудах В. И. Ленина, который неоднократно указывал, что сила Советов — в неразрывной связи с широкими трудящимися массами, что сами трудящиеся должны активно работать в органах своей родной власти.

Расширение компетенции органов власти в таких важных вопросах, как обеспечение комплексного экономического и социального развития и контрольных функций Советов, усиление их влияния на повышение эффективности работы объединений, предприятий и организаций, улучшение труда и быта советских людей — все это накладывает особую ответственность на Советы в целом, их исполкомы, на каждого народного избранника.

Конституция СССР четко определяет основные функции Советского государства: «Главные задачи социалистического общенародного государства: создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их пре-

образование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и развитию международного сотрудничества»¹.

В осуществлении этих функций Советского государства активно участвуют составляющие его политическую основу Советы народных депутатов, а через них — самые широкие массы трудящихся.

Согласно Конституции СССР, Советы и только Советы наделены титулом органов государственной власти, которым подконтрольны и подотчетны все другие государственные органы. Ст. 2 Конституции СССР гласит:

«Вся власть в СССР принадлежит народу.

Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР.

Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов».

В. И. Ленин указывал, что «Советы суть новый государственный аппарат, дающий... связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине»². «Масса, — писал он, — должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности»³.

Эти ленинские положения закреплены в Советской Конституции и неуклонно проводятся в жизнь.

В свете новой Конституции значительно расширились функции местных Советов в обеспечении комплексного экономического и социального развития на соответствующей территории. Эти функции вытекают из планового характера развития народного хозяйства и социально-культурного строительства и направлены на то, чтобы увязать воедино задачи развития различных отраслей с интересами Союза ССР в целом.

Конституцией СССР значительно расширены координационные полномочия местных Советов. Так, ст. 147 Основного Закона устанавливает, что «в пределах своих полномочий местные Советы народных депутатов обеспечивают комплексное экономическое и социальное развитие на их территории; осуществляют контроль за соблюдением законодательства распоряженными на этой территории предприятиями, учреждениями и организациями вышестоящего подчинения; координируют и контролируют их деятельность в области землепользования, охраны природы, строительства, использования трудовых ресурсов, производства товаров народного потребления, социально-культурного, бытового и иного обслуживания населения»⁴. Неподведомственные Советам организации, производственные объединения и предприятия обязаны учитывать мнение местных представительных органов при принятии своих решений по вопросам, затрагивающим интересы комплексного развития данной территории.

Забота партии и государства о дальнейшем повышении роли Советов наглядно проявилась и в опубликованном в марте 1981 г. постановлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве». В частности, постановлением предусматривается включение Советами народных депутатов в пятилетние и годовые планы экономического и социального развития автономных республик, краев, областей, округов, районов и городов

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 5.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 304.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 157.

⁴ См. также ст. 136 Конституции УзССР.

показателей планов, представляемых находящимися на их территории объединениями, предприятиями и организациями.

Объединения, предприятия и организации союзного и республиканского подчинения до представления вышестоящим органам проектов пятилетних и годовых планов и предложений об изменении этих планов должны направлять их на рассмотрение в части вопросов землепользования, охраны природы, строительства, использования трудовых ресурсов, производства товаров народного потребления, социально-культурного, бытового и иного обслуживания населения Совету Министров автономной республики, исполнительному комитету краевого, областного, окружного, районного, городского Совета народных депутатов, которые сообщают объединениям, предприятиям и организациям, а в необходимых случаях — также вышестоящим органам о результатах рассмотрения указанных проектов и предложениях об изменениях в утвержденных планах⁵.

Ныне в центре внимания Советов Узбекистана, как и всей страны, находятся вопросы дальнейшей интенсификации промышленного и сельскохозяйственного производства, рационального использования материальных и трудовых ресурсов, широкого внедрения передового опыта, укрепления государственной и трудовой дисциплины. Именно эти вопросы систематически рассматривались на сессиях местных Советов. В этой связи надо отметить, что только за 1981—1983 гг. было проведено 20 тыс. сессий местных Советов УзССР, где обсуждались состояние и задачи дальнейшего развития промышленности, транспорта и связи, сельского хозяйства, землепользования, водопользования, реализации Продовольственной программы СССР, торговли, общественного питания, бытового обслуживания, народного образования, культуры, здравоохранения, социального обеспечения, укрепления социалистической законности, охраны государственного и общественного порядка.

Активное участие в подготовке и проведении сессий принимали постоянные комиссии местных Советов. Так, за указанные три года на рассмотрение сессий было подготовлено с участием постоянных комиссий 26 707 вопросов, члены их выступали на сессиях с докладами и содокладами 22 382 раза и принимали участие в подготовке вопросов, рассмотренных на заседаниях исполкомов, 98 412 раз.

Только в 1983 г. на сессиях местных Советов выступило 56 579 депутатов⁶.

Более действенным становится контроль посредством депутатского запроса. За 1981—1983 гг. депутаты внесли на сессиях местных Советов 6429 запросов⁷.

Дальнейшее укрепление получили связи Советов и их органов с трудящимися. В соответствии с законодательством, почти все депутаты регулярно отчитываются перед избирателями. На собраниях трудовых коллективов и по месту жительства граждан с информацией выступают также руководители всех исполкомов, их отделов и управлений.

Всего с деятельностью органов государственной власти и управления только в 1983 г. ознакомилось около 15,7 млн. человек⁸.

Однако в организационно-массовой работе местных Советов еще не изжиты отдельные существенные недостатки; в ряде Советов сессии проходят при низкой активности депутатов, содержание принимаемых решений по актуальным вопросам не всегда конкретно.

В 1983 г. по сравнению с 1981 г. значительно сократилось участие постоянных комиссий в подготовке вопросов, вносимых на рассмотрение сессий Советов. Так, в 1983 г. их участие составило 9611 раз против 14 808 в 1981 г. Участие постоянных комиссий в подготовке воп-

⁵ См.: Известия, 1981 г., 29 марта.

⁶ Текущий архив отдела Советов Президиума Верховного Совета УзССР.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

росов на заседаниях исполкомов сократилось на 7132 раза в 1983 г. против 1981 г.

Количество докладов и содокладов постоянных комиссий на сессиях Советов в 1983 г. составило 5832 против 8432 в 1981 г.

В 1983 г. только 18% постоянных комиссий местных Советов г. Ташкента выступили с докладами и содокладами на сессиях, а в целом по республике — 41,7%. Заметно сократилось и число депутатских запросов.

Ряд местных Советов и их исполнительные органы не уделяют должного внимания руководству деятельностью поселковых и кишлачных Советов, органов общественной самодеятельности населения. Не изучается и не обобщается их опыт, не организована учеба депутатов и активистов.

Аналогичные недостатки имеются и в других республиках. Не случайно Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко в речи на апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС отметил, что огромный потенциал Советов реализуется еще недостаточно. Требуется дальнейшего повышения роли местных Советов в хозяйственном и культурном строительстве, обеспечении комплексного развития экономики на местах, борьбе против ведомственности, более полном удовлетворении растущих запросов населения⁹.

Руководствуясь решениями апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС, XV пленум ЦК Компартии Узбекистана в своем постановлении потребовал дальнейшего повышения роли Советов в разработке и осуществлении комплексных планов и программ социального и экономического развития областей, городов и районов, в решении всех вопросов хозяйственного и культурного строительства, выполнении народнохозяйственных планов и социалистических обязательств в промышленности, сельском хозяйстве, сфере бытового, медицинского, торгового и других видов обслуживания населения.

Особое внимание Советы призваны уделять развитию капитального строительства, прежде всего жилья и объектов соцкультбыта, правильному распределению и бережному сохранению жилищного фонда. Прямая задача их — настойчиво добиваться увеличения выпуска и улучшения качества товаров народного потребления, более полного удовлетворения материальных и духовных запросов населения.

Следует усилить контроль за безусловным соблюдением договорных обязательств по поставкам продукции, рассматривая эту работу как важный фактор успешной деятельности единого народнохозяйственного комплекса, интернациональный долг каждого трудового коллектива.

Повседневного внимания народных избранников требуют вопросы целенаправленного осуществления Продовольственной программы, увеличения производства сельскохозяйственной продукции, рационального использования земли и всех природных ресурсов, охраны окружающей среды, полного освоения средств, выделяемых на развитие агропромышленного комплекса.

Необходимо активизировать политико-воспитательную и культурно-массовую работу Советов, добиваться дальнейшего совершенствования стиля и методов работы советских органов, решительно искоренять любые проявления формализма и бюрократизма.

Пленум потребовал повышения действенности контрольных функций Советов народных депутатов, строгой и объективной оценки деятельности должностных лиц и хозяйственных руководителей всех уровней, усиления внимания к выполнению наказов избирателей.

Надо решительно и бескомпромиссно бороться с фактами хищения, приписок и очковтирательства, злоупотреблений служебным положе-

⁹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 10 апреля 1984 г. М., 1984, с. 7.

нием, некритического подхода к результатам хозяйственной деятельности¹⁰.

Очевидна также необходимость повышения роли и значения сессий, заседаний исполнительных комитетов и постоянных комиссий Советов, совершенствования стиля и методов их работы, всемерного развития критики и самокритики.

Шире надо применять депутатские запросы для решения актуальных вопросов, контроля исполнения намеченных мероприятий, обеспечения повсеместного и неуклонного соблюдения социалистической законности и правопорядка.

Одна из главных задач Советов — активное участие в реализации решений апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС и первой сессии Верховного Совета СССР XI созыва об Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы, обеспечении единой государственной политики в области образования и воспитания молодежи, повышения уровня руководства делом народного образования, улучшения условий труда и быта педагогических кадров, повышения их авторитета.

Для успешного выполнения этих многогранных и сложных задач каждый местный Совет должен разработать обстоятельный комплексный план мероприятий по совершенствованию организационно-правовой и массовой работы и неукоснительно проводить в жизнь предусмотренные этим планом мероприятия.

Большую помощь в улучшении всей деятельности местных Советов призвана оказать наука, глубокое изучение, обобщение накопленного опыта с выдвижением аргументированных практических рекомендаций. В частности, представляются заслуживающими изучения и научного обобщения проблемы совершенствования социалистической демократии в организации и деятельности Советов; вопросы повышения их роли в составлении комплексного плана экономического и социального развития территории; повышения роли и совершенствования сессионной деятельности Советов; расширения функций постоянных комиссий в решении экономических и социальных задач; повышения роли депутатских запросов в усилении контрольной функции Советов народных депутатов и др.

Все это будет способствовать дальнейшей активизации и совершенствованию деятельности Советов народных депутатов, успешному выполнению ими своих функций, тех ответственных задач, которые выдвинуты перед Советами апрельским (1984 г.) Пленумом ЦК КПСС.

К. К. Комилов

**КПСС МК АПРЕЛЬ (1984) ПЛЕНУМИ ҚАРОРЛАРИ АСОСИДА МАҲАЛЛИЙ
СОВЕТЛАР ФАОЛИЯТИНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШ**

Мақолада Ўзбекистон ССРдан олинган конкрет материаллар миқсолида КПСС Марказий Комитетининг апрель (1984) Пленуми қарорларига асосланган ҳолда маҳаллий халқ депутатлари Советларининг ташкилий-оммавий ишларини янада такомиллаштиришнинг баъзи масалалари ёритиб берилган.

¹⁰ Правда Востока, 1984 г., 5 мая.

Ш. М. АБДУЛЛАЕВ

УЧАСТИЕ УЗБЕКИСТАНА В ПОЛИТИЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ СССР С БРАТСКИМИ СТРАНАМИ СОЦИАЛИЗМА

В системе международных социалистических отношений центральное место занимает политико-идеологическое сотрудничество братских государств, Именно на путях его углубления и дальнейшего раз-

вития страны — члены СЭВ решают сложные проблемы социалистического и коммунистического строительства, координируют свою внешнюю политику, принимают меры по укреплению содружества социалистических государств.

Характеризуя политическое взаимодействие стран социалистического содружества, июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС отмечал, что «в этой сфере наше сотрудничество будет все более тесным... совместно определяемый общий курс будет все более прочным сплавом мнения и позиций братских стран»¹.

Основой многообразных по форме и содержанию дружественных связей социалистических стран, сердцевинной международных отношений нового типа выступает тесное сотрудничество между марксистско-ленинскими партиями стран социализма.

Одна из примечательных черт межпартийного сотрудничества братских стран — расширение связей местных партийных организаций. Эти связи превращаются в деловое сотрудничество во всех областях общественной жизни. В середине 70-х годов, например, более 130 партийных организаций республик, краев, областей и городов СССР поддерживали непосредственные контакты со 150 территориальными парт-организациями Болгарии, Венгрии, СРВ, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии².

Свой вклад в развитие международных связей КПСС с братскими партиями стран социализма вносит партийная организация Узбекистана.

Вот уже два десятилетия партийные организации двух областей республики — Ташкентской и Андижанской — поддерживают дружеские связи с Хасковским и Ямболским окружками Болгарской Коммунистической партии. Ташкентский городской комитет КПУз поддерживает дружественные связи с партийной организацией г. Скопье Социалистической Федеративной Республики Югославии. С 1977 г. существуют партийные контакты между Самаркандским горкомом партии и партийным комитетом г. Крайова Социалистической Республики Румынии.

За сравнительно короткий срок эти связи успели пустить глубокие корни, стать подлинно массовыми. Только в 1975—1978 гг. в Хасковском и Ямболском округах НРБ, г. Крайове (СРР) и г. Скопье (СФРЮ) побывало около 100 делегаций и групп из нашей республики, примерно столько же делегаций и групп болгарских, румынских и югославских друзей было принято в Ташкенте и Самарканде, Ташкентской и Андижанской областях³.

Дружественные связи по линии местных партийных организаций носят конкретный, деловой характер. Они проявляют взаимный интерес к изучению опыта организационно-партийной работы, особенно по укреплению партийных рядов, развитию внутривнутрипартийной демократии и соблюдению партийной дисциплины, совершенствованию стиля и методов работы партийных органов, подготовке кадров. Так, опыт Компартии Узбекистана по организации прохождения кандидатского стажа вступающих в ряды КПСС, методы их идейно-политического воспитания стали предметом изучения гостившей у нас в 1978 г. делегации партийных работников СЕПГ⁴. Делегация партработников МНРП посвятила свое пребывание в Узбекистане изучению постановки партийной учебы и обеспечения действенности наглядной агитации в сельской местности⁵. Практику партийного руководства хозяйственным и

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 22.

² Правда, 1974 г., 12 ноября.

³ См.: Рустамов У. А. Советский Узбекистан на международной арене. Ташкент, 1978, с. 61—62; Мухитдинов М. и Сафаров Р. А. Андижан и Ямбол — побратимы навек. Ташкент, 1974.

⁴ Правда Востока, 1978 г., 17 января.

⁵ Правда Востока, 1970 г., 17 марта.

культурным строительством, развитием национальных отношений изучали партийно-государственная делегация ГДР во главе с членом Политбюро ЦК СЕПГ, председателем Центральной комиссии партийного контроля СЕПГ Э. Мюккенбергом, работники отдела культуры ЦК ВСРП, делегации Гаванского провинциального комитета Компартии Кубы, Южночешского обкома КПЧ и др.⁶

Важное место в межпартийном сотрудничестве обретает обмен опытом идеологической работы. Традиционными формами здесь стали совместное проведение научно-теоретических конференций, обмен лекторами, журналистами, преподавателями общественных наук, издание книг о дружбе и сотрудничестве городов и областей-побратимов, экспозиции фотовыставок и т. д. Так, член ЦК КПЧ, заместитель главного редактора газеты «Руде право» В. Герлак выступал перед слушателями Ташкентской высшей партийной школы, Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при ТашГУ им. В. И. Ленина и Межреспубликанских партийных курсов с лекцией «Актуальные проблемы и задачи борьбы КПЧ с враждебной идеологией»⁷. Большой интерес в этой же аудитории вызвала лекция заместителя заведующего отделом ЦК ПОРП В. Иличука «Роль средств массовой информации в осуществлении социально-экономической стратегии развития ПНР», прочитанная в соответствии с планом межпартийных связей КПСС и ПОРП⁸. Ответственный работник отдела пропаганды ЦК БКП Е. Младенов выступил с лекцией «Некоторые актуальные проблемы идеологической работы БКП» в университете марксизма-ленинизма при Ташкентском горкоме партии, а также перед партийно-советским активом Самарканда и Бухары⁹.

Существенную пользу приносят совместно проводимые научно-теоретические конференции. Так, в 1976 г. в Ташкенте и Хасково были проведены научно-теоретические конференции, посвященные XXV съезду КПСС и XI съезду БКП. В работе приняло участие около 400 партийных, идеологических работников, деятелей науки и культуры. Материалы конференций были изданы и служат хорошим источником для пропагандистов и агитаторов¹⁰.

На базе Института истории и Института философии и права АН УзССР проводились международные встречи ученых-марксистов, в том числе научная сессия Советско-Венгерской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук, посвященная 60-летию провозглашения Венгерской Советской Республики (1979 г.), советско-вьетнамский симпозиум по теории наций и национальных отношений и др.¹¹

Развиваются и совершенствуются формы сотрудничества средств массовой информации стран социализма, что позволило поставить на повестку дня принципиально новый вопрос — о проведении совместных информационно-пропагандистских акций. Отличительными чертами таких мероприятий являются: неуклонное и целенаправленное руководство центральных комитетов братских партий национальными средствами массовой информации в расширении их внешних контактов; тщательная координация планов работы органов массовой информации братских стран; концентрация общих усилий на наиболее значительных и перспективных направлениях пропаганды; подкрепление творческого начала соответствующими материальными ресурсами, постоянное взаимодействие сторон в ходе осуществления указанных акций¹².

Органы массовой информации Узбекистана также приняли активное участие в информационно-публицистических кампаниях, прово-

⁶ Правда Востока, 1978 г., 29 января; 1970 г., 30 октября; 1980 г., 6 марта.

⁷ Правда Востока, 1981 г., 28 ноября.

⁸ Правда Востока, 1978 г., 10 февраля.

⁹ Правда Востока, 1978 г., 21 апреля.

¹⁰ Р у с т а м о в У. А. Указ. соч., с. 80.

¹¹ Общественные науки, 1983, № 3, с. 158.

¹² Вопросы советской внешнеполитической пропаганды. М., 1980, с. 224—225.

димых печатью, радио и телевидением стран — членов СЭВ в связи со съездами братских партий, 60-летием Великого Октября и 60-летием образования СССР, 100-летием со дня смерти и 165-летием со дня рождения К. Маркса, 100- и 110-летием со дня рождения В. И. Ленина, 30- и 35-летием исторической победы над фашизмом, 30-летием СЭВ, а также другими крупными юбилейными датами.

Средства массовой информации социалистических стран широко освещают участие рабочих и специалистов стран — членов СЭВ в сооружении интеграционных объектов на территории СССР. Так, печать, радио и телевидение Узбекистана давали подробную информацию об интернациональной помощи большой группы болгарских строителей в освоении газовых месторождений в Бухарской области, в ликвидации последствий Газлийского землетрясения 1976 г.; участие рабочих и специалистов из стран — членов СЭВ в строительстве таких крупных промышленных объектов, как Кувасайский фарфоровый, Самаркандский суперфосфатный заводы и т. д.

Прочные творческие контакты установились между редакциями газет «Ташкентская правда», «Тошкент хакикати», «Андижанская правда» и «Народен другар» («Друг народа»), «Хасковска трибуна» (НРБ). На страницах этих газет под рубриками «У наших болгарских (советских) друзей», «Сегодня у ямболских (андижанских) друзей» регулярно помещаются статьи и материалы, знакомящие читателей с наиболее важными событиями в жизни трудящихся Болгарии и Узбекистана. Редакции газет периодически обмениваются специально подготовленными страницами, выпускают совместные номера¹³.

Широко освещаются различные аспекты общественной жизни Советского Узбекистана на страницах чехословацкой печати, особенно плодотворную работу в этом направлении ведут органы Общества чехословацко-советской дружбы — журналы «Свит социализму» (на чешском языке) и «Свет социализма» (на словацком языке). Только за 1970—1979 гг. там было опубликовано более 60 статей, очерков, фотоочерков, сообщений и т. д., посвященных экономической, культурной и научной жизни нашей республики¹⁴.

Узбекское радио осуществляет систематический обмен специальными радиопередачами с органами радиовещания ВНР, ГДР, ЧССР и МНР. Практикуются обмен телепередачами, совместное создание телефильмов, очерков и репортажей.

Так, корреспондент Узбекского телевидения С. Ахмедходжаев в 1972 г. в течение нескольких недель работал совместно с чехословацкими коллегами над созданием телефильма, рассказывающего о достижениях братского народа в построении развитого социалистического общества, о дружбе советского и чехословацкого народов. Этот телефильм в конце 1972 г. демонстрировался как по Узбекскому, так и по Чехословацкому телевидению¹⁵.

В ноябре 1975 г. плодотворную поездку по Узбекистану совершила творческая группа в составе корреспондента Чехословацкого телевидения Яна Коциана, редактора Центрального телевидения Оксаны Черниковой и оператора Александра Прибловского. Для телевидения ЧССР снимался цветной фильм о достижениях ирригаторов и хлопководов, об успехах маргиланских шелковиков, о народных мастерах Ферганской долины¹⁶.

В политическом и идеологическом сотрудничестве стран социализма важная роль отведена профессиональным союзам, которые объединяют в наших странах практически весь рабочий класс и значительную часть других слоев трудящихся.

¹³ См.: Дружба, 1979, № 5; Корреспондент, 1978, № 2.

¹⁴ Подсчет наш.

¹⁵ Текущий архив Узбекского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Материалы за 1972 г.

¹⁶ Ферганская правда, 1975 г., 7 ноября.

Расширяется и углубляется интернационалистское взаимодействие профсоюзов Узбекистана с профессиональными организациями рабочего класса, всех трудящихся братских стран. Ежегодно республику посещают десятки профсоюзных делегаций братских стран. Среди них — представители профцентров Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, КНДР, МНР, Румынии, ЧССР, Югославии. В ходе встреч и бесед в Узсовпрофе, отраслевых и территориальных комитетах профсоюзов, непосредственно на предприятиях гости подробно знакомятся с системой организации профсоюзного движения в Узбекистане, с ее историей, вопросами дальнейшего повышения роли советских профсоюзов в государственном управлении. В то же время тысячи представителей рабочих, колхозников, специалистов нашей республики выезжают ежегодно в братские страны, где обмениваются опытом работы.

Действенной школой интернационализма, идейно-политического воспитания трудящихся служит организация социалистического соревнования между родственными предприятиями братских стран.

Так, в 1977 г. был заключен коллективный договор на трудовое соперничество между трудящимися столичной области Узбекистана и Хасковского округа НРБ¹⁷.

Заслуживают внимания и такие факты, как моральное стимулирование рабочих и специалистов из братских стран, присвоение им званий ударников социалистического труда. Например, многие болгарские товарищи, работавшие в Узбекистане, не раз награждались Почетными грамотами и нагрудными знаками за высокие достижения в труде.

В 1977 г. Ташкентский областной комитет партии наградил Красными знаменами, Почетными грамотами и знаками передовые коллективы хасковских предприятий, которые стали победителями социалистического соревнования, развернутого в Болгарии в честь 60-летия Великого Октября. В свою очередь, Хасковский окружной комитет партии наградил Красным знаменем окружкома, окружного народного Совета, окружного Совета профсоюзов и комитета комсомола коллектив производственного швейного объединения «Красная заря». Многие передовики предприятий Ташкентской области были удостоены нагрудного знака «Победитель социалистического соревнования» Хасковского округа за 1977 г.

Немалый вклад в политическое и идеологическое сотрудничество СССР со странами содружества вносят и другие общественные организации Узбекистана: молодежные и женские организации, общества дружбы, кооперативные союзы и т. д. Из года в год растут масштабы туризма, позволяющего миллионам трудящихся стран социализма непосредственно знакомиться с жизнью и достижениями друг друга. Об этом неоднократно сообщали средства массовой информации наших стран, в том числе Узбекистана.

Реальные успехи государств социалистического содружества в области их внутреннего развития, социалистической экономической интеграции, в борьбе за осуществление согласованной внешнеполитической линии, идейное превосходство марксистско-ленинской идеологии создают по существу безграничные возможности для углубления, активизации и совершенствования всех форм политического и идеологического сотрудничества. «...Для осуществления *единого действия* в международном масштабе,— указывал В. И. Ленин,— требуется как ясность основных идейных взглядов, так и точная определенность тех или иных практических приемов действия»¹⁸. Эта ленинская концепция лежит в основе всего процесса неуклонного политического сближения марксистско-ленинских партий братских стран социализма.

¹⁷ Рустамов У. А. Указ. соч., с. 78.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 31.

СССРнинг ҚАРДОШ СОЦИАЛИСТИК МАМЛАКАТЛАР БИЛАН СИЕСИЯ
ВА ГОЯВИЙ АЛОҚАЛАРИДА ЎЗБЕКИСТОННИНГ ИШТИРОКИ

Мақолада СССРнинг қардош социалистик мамлакатлар билан турли-туман сиёсий ва гоёвий алоқаларини ривожлантиришда Ўзбекистоннинг иштирокини янада кенгайтириш ҳақида фикр юритилади.

М. Д. РАДЖАБОВА

**СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР
ВСЕСТОРОННЕГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ**

В развитом социалистическом обществе неуклонно возрастает роль свободного времени трудящихся, призванного оказывать активное воздействие на ускоренное решение проблем его совершенствования.

Ныне стало реальностью предвидение основоположников марксизма-ленинизма о том, что при социализме будет постоянно увеличиваться свободное время трудящихся, причем оно станет мерилom общественного богатства. Следовательно, в условиях социализма свободное время — это общественное богатство, способствующее умножению материального и духовного потенциала, общества, претворению в жизнь программных предназначений Коммунистической партии.

Наряду с трудом, свободное время выступает как важнейшая форма социального бытия, физического, духовного и нравственного совершенствования человека. Если труд — основа всестороннего развития людей, то свободное время — непосредственная сфера реализации этой всесторонности. Свободное время — существенный фактор интенсификации участия советского человека в совершенствовании зрелого социализма. В силу этого проблема свободного времени приобретает все большее значение в нашем обществе.

Теоретическая и практическая актуальность проблем свободного времени обуславливает растущий интерес, проявляемый к их разработке представителями различных отраслей общественных наук. Проблема свободного времени начала интенсивно изучаться с 50-х годов, по мере укрепления и развития победившего социализма. В исследованиях 50—60-х годов значительное место уделялось определению самого понятия «свободное время», его сущности и составных частей, анализу и разработке закономерностей роста и рационального использования его различными социальными классами и прослойками¹. В 70-е годы наряду с общими проблемами большое внимание уделялось изучению различий в структуре использования свободного времени трудящихся в зависимости от типов поселений, степени их урбанизации².

Ныне наметился новый этап исследований данной проблемы, когда главное внимание сосредоточивается на качественных характеристиках свободного времени, его роли во всестороннем развитии личности. Практическое превращение свободного времени в действенное средство развития способностей каждого советского человека занимает важное место в социальной политике Коммунистической партии.

Неслучайно на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС был сделан особый упор на «полноценное с нравственно-эстетической точки зре-

¹ См., напр.: Пруденский Г. А. Время и труд. М., 1965; Артемов В. А. и др. Статистика бюджетов времени трудящихся. М., 1967; Байкова В. Г. и др. Свободное время и всестороннее развитие личности. М., 1965; Грушин Б. А. Свободное время. Актуальные проблемы. М., 1967; Патрушев В. Д. Время, как экономическая категория. М., 1966, и др.

² См., напр.: Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М., 1972; Гордон Л., Клопов Э., Оников Л. Социальные проблемы быта. М., 1974.

ния использование свободного времени»³. Непременным требованием в этих условиях становится комплексный подход к исследуемой проблеме.

Таким образом, изучение свободного времени — это сложная, объемная задача, требующая совместных усилий философов, экономистов, социологов, юристов. Оно может быть использовано для многих целей человеческой деятельности во внепроизводственный отрезок суток, и прежде всего для духовного развития личности.

Как известно, К. Маркс, исследуя производственные отношения различных общественно-экономических формаций, раскрыл взаимосвязь рабочего и свободного времени. В его экономических рукописях 1857—1859 гг. есть специальный раздел «Свободное время в капиталистическом обществе и при коммунизме», где подробно проанализирована данная категория, которую К. Маркс связывал с деятельностью, направленной на творческое развитие индивидуума. «Настоящее богатство, — писал он, — такое время, которое... остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития. Время это — простор для развития способностей и т. д.»⁴

Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг», говоря о возможности увеличения свободного времени и использования его на благо общества, отмечал, что «только громадный рост производительных сил, достигнутый благодаря крупной промышленности, позволяет распределить труд между всеми без исключения членами общества и таким путем сократить рабочее время каждого..., чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся нового общества, как теоретических, так и практических»⁵.

Итак, величина свободного времени зависит от уровня развития производительности общественного труда, и социальная направленность его использования определяется системой господствующих производственных отношений, основным экономическим законом общественной формации.

Но главное в высказываниях классиков марксизма-ленинизма — то, что они усматривали в свободном времени, его рациональном использовании своего рода генератор идей, созидательных порывов трудящихся, огромную потенцию для дальнейшего повышения производительности труда.

Как указывал К. Маркс, свободное время, «рационально используемое для развития трудящихся, в свою очередь, как величайшая производительная сила, обратно воздействует на производительную силу труда»⁶.

Теоретические положения К. Маркса и Ф. Энгельса о социальной сущности свободного времени развил далее В. И. Ленин. Он писал: «Для рабочего надо то, чтобы он... имел время для отдыха, для своего развития, для пользования своими правами, как человека, как семьянина, как гражданина»⁷.

Свободным принято считать время, которое остается за вычетом рабочего и вне рабочего времени, непосредственно связанного с производством (например, проезд к месту работы и обратно), времени домашнего труда и физиологически проводимого времени (сон, еда и др.).

Подсчитано, что свободное время составляет примерно четверть всего бюджета времени человека. У разных категорий трудящихся его величина различна, у рабочих и служащих промышленных предприятий она равняется 4,6 часа, у инженерно-технических работников — 5,2

³ Материалы Пленума ЦК КПСС. 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 13.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 264.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 187.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 274.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 24.

часа, у работников сельского хозяйства — 2,4—3,5 часа в день⁸. Даже внутри одной категории рабочих свободное время, например мужчин и женщин, семейной и несемейной молодежи, существенно различается. Свободное время неодинаково также по величине в разных регионах страны⁹.

Величину свободного времени каждой конкретной группы в данном регионе следует изучать особо, не довольствуясь среднестатистическими данными.

Вообще принято считать, что в свободное время мы отдыхаем, а в рабочее — работаем. Но граница, проходящая между работой и отдыхом, весьма условна, нередко один и тот же вид деятельности может рассматриваться и как отдых, и как труд. Даже тяжелый физический труд может в свободное время выступать как отдых. Лучшим отдыхом для Льва Толстого, как известно, было пахать, косить траву. В. И. Ленин в часы отдыха любил рыться в словарях¹⁰.

У людей творческих профессий сплошь и рядом рабочее время сливается со свободным. Поэт не может писать стихи от 9 до 18 часов с перерывом на обед. Но это справедливо по отношению не только к писателям, художникам, композиторам, ученым, но и вообще к людям, творчески относящимся к делу. Так, для инго строителя рабочее время полностью сливается со свободным, потому, что для него духовная жизнь — это не только чтение книг, просмотр спектакля, но и работа от души на стройке, когда вдохновенный труд доставляет человеку духовное удовлетворение. Она требует и знаний, и моральной стойкости, и борьбы.

Для подводников спуск под воду — повседневный тяжелый и небезопасный труд, для членов клуба подводного плавания — отдых и форма приобщения к романтике. Актер на сцене работает, а участник самодеятельности — отдыхает. Тут дело в том, что свои занятия в свободное время человек воспринимает как свободную деятельность. К. Маркс характеризовал свободную деятельность в отличие от труда как отсутствие давления «внешней цели, осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью»¹¹. Включение человеком себя в свободную деятельность не обусловлено никакой внешней необходимостью — ни материальной, ни гражданской, ни отсутствием выбора. Поэтому психологически эта деятельность воспринимается как удовольствие.

В проведении досуга советских людей все шире проступает одна из тенденций развитого социализма, снимающего вековой антагонизм между рабочим и свободным временем.

Социализму присуще закономерное сокращение рабочего и увеличение свободного времени трудящихся. Эту объективную закономерность можно сформулировать следующим образом: чем больше развиты производительные силы, чем выше производительность труда, тем больше свободного времени у общества и каждого его члена.

Сокращение продолжительности рабочего дня и рабочей недели, осуществленное в 1956—1960 гг., а затем переход на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями явились важной предпосылкой увеличения свободного времени.

Вместе с тем, как показывает опыт, сокращение продолжительности рабочего времени не всегда приводит к соответствующему росту бюджета свободного времени. Недостатки, имеющиеся в сфере обслуживания рабочих, служащих, колхозников, весьма часто «съедают» то, что получают они от сокращения рабочего времени. Из этого следует,

⁸ Патрушев В. Д. Динамика свободного времени трудящихся СССР в шестидесятые и семидесятые годы. — В кн.: Свободное время и нравственное воспитание, М., 1979, с. 9.

⁹ См.: Триодин В. Е. Клуб и свободное время. М., 1982, с. 6.

¹⁰ См.: Ленин и словари. М., 1980.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 265—266.

что существенного улучшения соотношений между рабочим и свободным временем можно достигнуть лишь при коренном улучшении работы сферы услуг.

С учетом этого обстоятельства и в целях наведения порядка в режиме работы предприятий, организаций и учреждений сферы услуг ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О дальнейшем развитии и улучшении бытового обслуживания»¹², направленное на упорядочение режима работы сферы обслуживания. Особое внимание обращено на необходимость усиления работы в крупных городах по созданию специализированных предприятий по основным видам бытовых услуг, а в других городах и районных центрах — филиалов или цехов.

Все процессы в экономике, политике, духовной жизни социалистического общества свидетельствуют о практическом воплощении в жизнь указаний В. И. Ленина о том, что «производство человека», определенного коммунистического типа личности для научного коммунизма не просто и не только «лозунг», «цель движений», «идеал», а реально-практическая основа развития общественного производства, мера и критерий «коммунистичности» происходящих в обществе процессов»¹³.

Всестороннее развитие личности связано с универсальностью способностей и потребностей, ее богатство К. Маркс считал «абсолютным выявлением творческих дарований человека... безотносительно к какому-либо заранее установленному масштабу»¹⁴.

Комплексный подход к воспитанию способствует на современном этапе обеспечению единства общественных и личных интересов, практической и теоретической деятельности, единства слова и дела как повседневной нормы поведения, внутренней и внешней культуры, единства материальных и духовных потребностей. Такое развитие личности определяется объективными потребностями развитого социализма. Гармонизация общественной жизни понимается В. И. Лениным как «постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность»¹⁵. Она охватывает, как подчеркнуто на XXVI съезде КПСС, все социальные процессы, каждый трудовой коллектив от сферы производства до культурно-бытовой сферы. На ее основе формируется гармонически развитый человек, приводятся в движение скрытые резервы расцвета его способностей и дарований.

Только органическое единство диапазона духовных потребностей личности, их глубины и степени активизации, т. е. формирование у личности потребности к самостоятельной творческой деятельности, обеспечивает всесторонность и целостность личности. Коммунистический характер воспитательного воздействия в развитом социалистическом обществе означает формирование таких черт личности, которые не только соответствуют будущему обществу, но уже сегодня определяют активную деятельность по его построению. Совокупность этих черт личности и составляет ее духовное богатство, являющееся замечательной чертой личности нового человека.

Не только наличие, но и правильное, разумное использование свободного времени является необходимой предпосылкой формирования и всестороннего развития личности. Вместе с тем осуществляемые в свободное время профессиональное и идейно-политическое образование, культурное развитие людей оказывают положительное влияние на общественное производство.

По словам К. Маркса, «свободное время — представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности — разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта и в качестве

¹² Правда, 1983 г., 30 марта.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 391.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 620.

этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства»¹⁶.

Успешное решение проблем, связанных с организацией свободного времени трудящихся, требует разработки эффективной и всеобъемлющей системы образования. Сегодня образование занимает значительное место в жизни взрослого населения. Только в организованных видах обучения, как вечерняя и заочная школа, повышение квалификации, народные университеты, партийная, комсомольская и экономическая учеба, участвует более двух третей всех занятых в народном хозяйстве. Нет сомнений, что в дальнейшем роль его еще больше возрастет.

Вместе с образованием в структуре свободного времени трудящихся важное место занимают чтение газет, журналов и книг, просмотр телепередач, посещение кино, театров, концертов и другие виды потребления духовных ценностей. В этой связи напомним, что в 1914 г. на весь Узбекистан имелось всего 25 киноустановок, а в 1980 г. — 5293. В 1980 г. в Узбекистане насчитывалось 34 музея. До революции в Узбекистане был 1 профессиональный театр, а в 1980 г. в республике насчитывалось 28 профессиональных и 60 народных театров, концертных организаций. За последние 10 лет число посещений театров увеличилось с 3 млн. 305 тыс. до 4 млн. 584 тыс.

В одиннадцатой пятилетке будут возведены новые здания театров в Карши и Гулистане, театров им. Горького, Хамзы и Мукими в Ташкенте, театров в Коканде, Самарканде, Андижане, Намангане, Фергане, радиодома в Ташкенте, многих кинотеатров, библиотек, клубов, музеев.

Растет сеть кружков художественной самодеятельности, расширяется спектр увлечений наших людей.

Все это, несомненно, повышает культурный уровень трудящихся, развивает их духовные потребности и способности, эстетические вкусы и вместе с тем способствует нравственному совершенствованию.

Но эти формы досуга все же не являются образованием. Образование — это целенаправленная, систематическая познавательная деятельность, когда человек от случайного знакомства с разными вопросами, от разрозненных знаний переходит к систематизации знаний по определенному кругу вопросов, все глубже усваивает объективную научную логику, развивает способность мыслить и рассуждать. Образование предполагает преемственность в занятиях людей, взаимосвязь новых и ранее усвоенных знаний, выработку навыков интеллектуального труда, непрерывное развитие познавательных способностей и потребностей. Все это возможно лишь при условии избирательности в занятиях людей, когда человек читает, слушает и смотрит не все, что придется, а то, что соответствует его познавательным целям и интересам, возникшим в процессе образования.

Чтение художественной литературы, например, также может быть просто отдыхом, времяпровождением. Но оно же может стать образованием, если эмоциональная активность дополняется интеллектуальной, если получаемая при чтении информация вплетается в общую систему знаний.

Таким образом, в рамках свободного времени повышение уровня образования в результате образовательной деятельности может послужить направляющей основой почти для всех видов свободного времяпровождения отдельной личности¹⁷.

Многолетние усилия Коммунистической партии и Советского государства, настойчиво добывающихся того, чтобы трудящиеся овладевали богатством знаний и высотами культуры, применяли свои способности и активно участвовали в духовной жизни общества, уже дали свои зримые результаты.

¹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 221.

¹⁷ См.: Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы, с. 51.

Социализм порождает принципиально новый образ жизни, обеспечивающий, духовный расцвет личности с ее активной жизненной позицией. Говоря о человеке коммунистического будущего, К. Маркс отмечал: «Богатый человек, это в то же время человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений, жизни, человек, в котором собственное существование выступает как внутренняя необходимость, как нужда»¹⁸. Дальнейшее повышение гуманистического потенциала социалистического образа жизни требует выработки у каждого человека внутренней потребности в активном социальном и культурном творчестве, стремления строить жизнь и человеческие отношения по законам красоты. Все это обеспечивает возрастание роли свободного времени в совершенствовании социалистического образа жизни, коммунистическом воспитании советских людей.

М. Д. Ражабова

БУШ ВАҚТ — ШАХСНИНГ ҲАР ТОМОНЛАМА КАМОЛ ТОПИШИДА МУҲИМ ФАКТОР

Мақолада Ўзбекистон ССРга оид айрим материаллардан фойдаланиб ривожланган социализм шароитида шахснинг ҳар томонлама камол топишида ҳамда совет кишиларининг ижодий активлигини оширишда буш вақтнинг роли тобора ортиб бораётганлиги баён қилинади.

¹⁸ Маркс К. Из ранних произведений. М., 1956, с. 596.

Б. Д. БАБАЕВ

ДИАЛЕКТИКА ЭМПИРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО В ПОЗНАНИИ

Соотношение эмпирического и теоретического уровней научного познания — одна из важнейших философско-гносеологических проблем, правильный анализ которой возможен лишь с позиций марксистско-ленинской философии. В трудах основоположников марксизма-ленинизма содержится ряд конкретных положений, которые характеризуют общую направленность процесса познания, ступеней и уровней познания, а также различные методы научного познания, имеющие большое значение для правильного понимания данной проблемы. К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали диалектико-материалистическое понимание метода восхождения от абстрактного к конкретному, подвергли критике эмпиризм за игнорирование роли теоретического мышления. В. И. Ленин дал блестящий анализ диалектики познания сущности и явления, абстрактного мышления и живого созерцания, теории и опыта, связав их с общей характеристикой структуры и этапов процесса познания.

Исследуя специфику и диалектику научного знания, марксистская гносеология опирается на принцип единства эмпирического и теоретического, которые она рассматривает как противоположные стороны единого процесса научного познания. Задача познания и заключается в выяснении того положения, которое занимают эмпирическое и теоретическое как противоположности в структуре научного знания, которая сама, конечно, не остается исторически неизменной. Противоположные определения одной и той же сущности, писал К. Маркс, «представляют собой дифференцированную сущность»¹. Подчеркивая это, он указывал: «Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения»².

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 321.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 136.

Единство эмпирического и теоретического уровней обнаруживается и в том, что уровень развития теории зависит от уровня эмпирической базы, на которую она опирается в своем возникновении и последующем функционировании. В конечном итоге уровень развития теории обусловлен характером и уровнем общественно-исторической деятельности человека. В свою очередь, развитие эмпирического зависит от уровня существующей теории, в которой находит свое осмысление содержание эмпирической деятельности. Теоретическое при неразвитом эмпирическом базисе носит умозрительный характер, а эмпирическое не может быть достаточно организованным и систематизированным, если отсутствует теория, на основе которой осуществляется систематизация знания. Исходя из этого, было бы неверно рассматривать эмпирическое и теоретическое только как две взаимно дополняющие друг друга формы знания, ибо при таком подходе фактически абсолютизируется их самостоятельность, что ведет к отрицанию диалектической связи между ними, их взаимопереходов³.

Методологический анализ теоретического и эмпирического уровней должен исходить из такой экспликации существа данной проблемы, которая давала бы возможность раскрыть специфику именно диалектики их взаимоотношения в научном познании. В нашей литературе распространены формулировки о теоретическом как «надстройке» над эмпирическим, как «результате рациональной обработки данных эмпирического знания», дополняющем, как правило, содержательные характеристики эмпирического, как знания о явлении и сущности, внешнем и внутреннем в объектах. Такие точки зрения, на наш взгляд, недостаточно конкретны и конструктивны, поскольку зачастую за ними не лежат сколько-нибудь четкие представления о реальном механизме этой рациональной обработки. Кроме того, они являются односторонними, ибо акцентируют внимание только на моменте первичности эмпирического знания перед теоретическим⁴.

Общая тенденция развития научного знания такова, что в его структуре возрастает удельный вес и эмпирического, и теоретического в процессе усложнения общественно-исторической практики человека. Но происходит это не за счет вытеснения эмпирического из сферы знания. В реальном процессе познания раскрывается диалектика взаимосвязи данных уровней знания, которая заключается в том, что «движение от теории к эмпирии оказывается столь же законообразным, «естественным» и непрерывным, что и движение от эмпирии к теории»⁵.

Таким образом, эмпирическое и теоретическое исследования выступают как два основных параметра научного исследования, два в равной мере необходимых и взаимообусловленных момента познавательной деятельности человека.

В чем же заключается специфика эмпирического и теоретического уровней научного познания?

Термины «теоретическое» и «эмпирическое», на наш взгляд, следует использовать для обозначения типов познавательной деятельности и видов знания на различных исторических стадиях развития науки, а также для характеристики различных типов научной деятельности на данном уровне развития науки. Под «эмпирической стадией» понимается такой генетический этап в истории науки, когда ее концептуальный аппарат не получил еще выражения в виде единой, но внутренне дифференцированной, способной к развитию теоретической системы. Однако уже на этой стадии решается сложная познавательная задача — вырабатывается специфический взгляд на мир, отличающий научно-теоретическое сознание от обыденно-практического.

³ См.: Конак Ф. М. О месте измерений во взаимосвязи эмпирического и теоретического — В кн.: Гносеологические аспекты измерений, Киев, 1969, с. 31.

⁴ См.: Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978, с. 97.

⁵ Грязнов Б. С. и др. Теория и ее объект. М., 1975, с. 57.

Эмпирическое знание есть непосредственная идеализация материальной деятельности и представляет собой результат, обобщение последней. Поэтому формированием эмпирических представлений, понятий завершается непосредственное «участие» практической деятельности в производстве знаний. Следовательно, эмпирическое знание служит началом развития всего познания в сфере духовного производства. Специфика эмпирического познания в том и состоит, что оно одновременно есть итог одной формы деятельности — практической и начало другой — концептуально-теоретической. В силу этого эмпирическое знание в целом есть переходная к теоретическому форма знания. Множество его элементов и уровней обеспечивает движение знания к теории. Именно на уровне эмпирического должна существовать элементарная, исходная форма научного знания, та «клетка», развертывание которой в развитую форму знания на теоретическом уровне осуществляется через разрешение противоречий, содержащихся в переходной форме. Особенность эмпирического мышления — обязательная связь с чувственными образами.

Способы и формы эмпирической деятельности возможны прежде всего благодаря наличию чувственного контакта субъекта и объекта. Более того, все многообразие содержания эмпирического знания так или иначе преломляется через него. И поскольку чувственный контакт субъекта и объекта возможен только при условии объективного существования, постольку наличие данного контакта является атрибутивным признаком эмпирического уровня⁶.

Общее свойство эмпирического уровня развития науки, которая охватывает все многообразие форм эмпирического познания, — направленность познания на установление связей концептуального аппарата науки с реальностью, лежащей вне концептуальной сферы, и в конечном счете выявляемой в «живом созерцании». Установление таких связей — необходимая функция научного познания, которая выполняется именно эмпирическим исследованием постольку, поскольку наука не представляет собой замкнутой сферы искусственных концептуальных конструкций, а является знанием об объективной действительности⁷.

Эмпирическое и теоретическое — два уровня в движении мышления. Эмпирическое мышление обладает развитой сетью методов и приемов обработки материала практики, что свидетельствует о многообразном содержании эмпирического уровня познания. К ним можно отнести расчленение и группировку данных, их сопоставление и сравнение, классификацию и систематизацию, аналогию, интерполяцию, обобщение и др. Иначе говоря, какую бы роль ни играло чувственное восприятие, непосредственное наблюдение в эмпирическом познании, последнее никогда не было простым суммированием, сопоставлением данных наблюдения. Это суммирование и сопоставление всегда ориентируются, направляются поиском отношений предметных отнесенностей абстракций. Эмпирическое исследование в системе научного мышления не есть что-то независимое, нечто такое, что впоследствии связывается с теорией внешним образом.

Общим же свойством теоретического уровня развития науки, которое охватывает все многообразие форм теоретического познания, является способность теоретического познания ко все более глубокому проникновению в реальность. По словам К. Маркса, «задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение, свести к действительному, внутреннему движению»⁸. Эта задача может быть осуществлена именно на теоретическом уровне позна-

⁶ См.: Давыдова Г. А. Эмпирическое и теоретическое как ступени человеческого отражения действительности. — В кн.: Ленинская теория отражения и современная наука. Отражение. Познание. Логика, София, 1973, с. 194.

⁷ Швырнев В. С. Теоретическое и эмпирическое как проблема философско-методологического анализа науки. Автореферат докт. дисс. М., 1977, с. 33.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 343.

ния, ибо оно «должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях»⁹.

Как известно, общая направленность научного познания осуществляется от известного к научно понятному и заключается в постоянном совершенствовании его понятийного аппарата, разработки и содержания научных абстракций, которые, по словам В. И. Ленина, «отражают природу глубже, вернее, полнее»¹⁰.

Теоретическое знание проникает в сущность изучаемых явлений. Оно возникает как результат дальнейшего преобразования эмпирических данных с помощью логических средств. Обобщая посредством логических операций — анализа, синтеза, сравнения, умозаключения и т. п., — субъект получает новое, по отношению к эмпирическому, знание. Рубежом, отличающим эмпирическое знание от теоретического, является раскрытие сущности. Познание сущности предметов дает возможность выявить закон развития этих предметов, глубже и полнее изучить их¹¹.

В советской философской литературе обсуждаются отдельные аспекты соотношения эмпирического и теоретического в научном познании. Так, в работах В. Н. Карповича¹² применяется формально-логический подход к исследованию логико-методологических оснований взаимосвязи и различия теоретических и эмпирических терминов в структуре научной теории. Автор считает эмпирическими такие термины, которые составляют базисный язык и значения которых задаются остенсивно, а теоретическими терминами — все остальные, не принадлежащие базисному языку. В имеющихся работах хорошо иллюстрируется тот факт, что формально-логический анализ проблемы соотношения теоретического и эмпирического не является исключительной прерогативой логического позитивизма и хорошо укладывается в русло теории познания диалектического материализма¹³.

К специфическим вопросам, касающимся взаимоотношения эмпирического и теоретического уровней знания, относится определение границ между ними, критериев их разграничения. В научной литературе высказывались различные точки зрения. Одни авторы утверждают, что их различие определяется по методам получения знания¹⁴. Другие рассматривают эмпирическое и теоретическое как результат качественно различных способов схематизации и идеализации¹⁵.

Наличие множества различных позиций по проблемам разграничения и взаимоотношения двух уровней познания свидетельствует о сложности самой проблемы, тем более, что с развитием науки постоянно изменяются границы между эмпирическим и теоретическим; они относительны, ибо «весь процесс познания есть диалектически развивающийся процесс. По мере развития самого процесса познания эмпирическое переходит в теоретическое, а то, что считалось на одном этапе науки теоретическим, на другом этапе науки, более высоком, становится эмпирически доступным»¹⁶.

Большинство авторов рассматривают природу эмпирического в соответствии с теоретическим, считая их взаимоисключающими и противоположными типами знания. Однако возникают расхождения, когда

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 193

¹⁰ Там же, с. 152.

¹¹ См.: Туленов Ж. Т. Научный закон в структуре знания.— В кн.: Диалектика принципов и законов в структуре научной теории, Ташкент, 1979, с. 76.

¹² См.: Карпович В. Н. Термины в структуре теорий. Логический анализ. Новосибирск, 1978.

¹³ Венцковский Л. Э. Философские проблемы развития науки. М., 1982, с. 123.

¹⁴ Ракитов А. И. О природе эмпирического знания.— В кн.: Логическая структура научного знания, М., 1965, с. 129.

¹⁵ Смирнов В. А. Уровни знания и этапы процесса познания.— В кн.: Проблемы логики научного познания, М., 1964, с. 30—31.

¹⁶ Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973, с. 133.

речь заходит о выборе критерия для установления различия между этими двумя видами знания. Некоторые авторы, например, утверждают, что различие между теоретическим и эмпирическим связано с двумя направленностями в познавательной деятельности. «С точки зрения методологического анализа специфики познавательной деятельности, лежащей в основании теоретического и эмпирического исследования, общий признак первого можно связать с направленностью теоретического исследования на совершенствование и развитие концептуальных средств науки, на построение теоретического «мира», а общий признак второго — с направленностью на установление связей концептуального аппарата науки с реальностью, выявляемой в наблюдении и эксперименте»¹⁷.

Другие авторы видят критерий различия эмпирического и теоретического в различии базиса, на который опираются соответствующие типы знания: эмпирическое непосредственно опирается на опыт, а теоретическое — на мыслительные средства¹⁸.

Пытаясь определить критерии различия эмпирического и теоретического уровней познания, некоторые авторы сводят эмпирическое знание к совокупности эмпирических данных, мотивируя это тем, что его структура экстенсивна, поскольку между данными и их системами отсутствует иерархическая связь¹⁹.

Данный вывод справедлив в целом. Но, как нам представляется, эмпирическое знание не есть только совокупность данных, а потому экстенсивность — это характеристика лишь одного из его структурных уровней.

Наиболее четко, как нам кажется, качественные различия эмпирического и теоретического проявляются по объекту, способам деятельности, методам обработки ее результатов и выражения их в понятийной форме. Сопоставление в ее рамках эмпирического и теоретического позволяет проследить за особенностями их единства и противоречий, выступающих источником движения знания. Так, эмпирическая деятельность направлена на реальный объект, а теоретическая — на идеализированный. Эмпирическое познание сохраняет непосредственную связь с практикой, теоретическое же связано с ней опосредованно. На теоретическом уровне имеют место идеализация высших порядков, формализация, выделение различных типов абстракций, которые не свойственны эмпирическому мышлению.

Качественные различия эмпирического и теоретического проявляются и по объекту, т. е. в анализе эмпирического и теоретического необходимо учитывать и специфику объекта. Это позволяет не только конкретизировать общие принципиальные черты уровней познания, но и рационально объяснить на их основе специфику эмпирического и теоретического в различных конкретных науках. Такое взаимовлияние, положенное в основу методологии анализа элементов научного знания, формирует определенный взгляд на эмпирическое и теоретическое как на развивающиеся категории диалектико-материалистической теории познания. В данном случае соотношение эмпирического и теоретического исчерпывается спецификой объекта, т. е. делением наук на эмпирические и теоретические. Это свидетельствует о подвижности, относительности границ между двумя уровнями научного познания.

Существует и другое методологическое направление, которое рассматривает эмпирическое и теоретическое как уровни мышления. В данном случае на первый план выступает абсолютность границ между эмпирическим и теоретическим. Эта концепция фиксирует уровни познания по различию логической структуры образующихся понятий.

¹⁷ Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании, с. 250.

¹⁸ См.: Мостепаненко М. В. Философия и методы научного познания. Л., 1972, с. 153.

¹⁹ Храмович М. А. Научный эксперимент, его место и роль в научном познании. Минск, 1972, с. 136.

Необходимо, на наш взгляд, взаимно дополнить приведенные выше концепции, соединить их, ибо вторая концепция не рассматривает вопрос о том, как влияет специфика объекта той или иной конкретной науки на содержание эмпирического и теоретического как уровней мышления, упуская относительность этих уровней познания. Синтез данных концепций позволит рассматривать категории «эмпирическое» и «теоретическое» в их развитии, и тем самым возрастает их методологическая роль.

В. С. Швырев справедливо утверждает, что эмпирическое — это «знание, при проверке и установлении которого могут быть непосредственно использованы данные наблюдения и эксперимента, содержание которого, следовательно, может быть непосредственно выражено терминами, относящимися к наблюдаемым предметам и отношениям, а теоретическое знание — это знание, проверка истинности которого не может быть непосредственно осуществлена при помощи наблюдения и эксперимента, содержание которого, следовательно, не имеет непосредственного чувственного коррелята»²⁰.

Научные понятия заключают в себе такое содержание, которое не может быть получено непосредственно опытным путем, содержат недоступные наблюдению, невоспринимаемые признаки, выражают сущность объекта. В научных понятиях охватываются внутренняя структура объекта, ее свойства, связь внутри структуры. Но в то же время они отражают некоторые эмпирические свойства объектов данной структуры. Разграничения теоретического и эмпирического знания признаком «наблюдаемости», на наш взгляд, недостаточно. Его недостаток прежде всего связан с применением признака наблюдаемости к эмпирическому уровню. Но как быть с теми областями науки, где эмпирическое исследование или эмпирический уровень направлены на явления, которые не получили еще надлежащего теоретического объяснения и анализа, но которые, конечно, не выступают как «наблюдаемые» в том смысле, в каком характеризуются при помощи этого термина объекты эмпирического исследования естественных наук, фиксируемые при помощи наблюдения или лабораторного экспериментирования? Так, социально-гуманитарное знание на его описательном, эмпирическом уровне сплошь и рядом имеет дело с явлениями, зафиксированными обыденным сознанием. В этом смысле они отнюдь не относятся к «теоретическому миру», однако применение к ним термина «наблюдаемости» неприемлемо²¹.

Как видно, исследователи делают попытку рассмотреть границы и критерии разграничения эмпирического и теоретического, беря один или несколько аспектов данной проблемы, т. е. не в ее полноте. На наш взгляд, общее направление исследования должно заключаться в рассмотрении диалектики теоретического и эмпирического как проблемы, связанной со спецификой познавательной деятельности, в контексте которой могут выступать различные моменты гносеологического, категориально-содержательного, методологического и логического характера.

Б. Д. Бобоев

БИЛИШДА ЭМПИРИК ВА НАЗАРИЙЛИК ДИАЛЕКТИКАСИ

Мақола марксча-ленинча философиянинг энг муҳим проблемаларидан бири — эмпирик ва назарийлик даражаларининг илмий билиш процессидаги ўзаро алоқалари диалектикасига бағишланган.

²⁰ Швырев В. С. Некоторые вопросы логико-методологического анализа отношения теоретического и эмпирического уровней научного знания. — В кн.: Проблемы логики научного познания, М., 1964, с. 53.

²¹ Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании, с. 131.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

О СООТНЕСЕНИИ ИНСТИТУТА АМНИСТИИ С ДРУГИМИ ПРАВОВЫМИ ИНСТИТУТАМИ

Вопрос о соотношении амнистии с иными правовыми институтами имеет немаловажное научное и практическое значение. При анализе его целесообразно рассмотреть правовую природу Указов Президиума Верховного Совета СССР о единовременном условном освобождении из мест лишения свободы осужденных с обязательным привлечением их к труду. Только за 1968—1976 гг. был издан ряд таких Указов. Некоторые ученые, например А. С. Михлин, полагают, что этот институт близок к институту досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы, каким является амнистия, но не тождествен ему¹. Аргументируя свою позицию А. С. Михлин пишет: «Прежде всего Указы о единовременном освобождении — акты судебного применения. Несмотря на их единовременный характер, освобождение производится судом. Применение же амнистии осуществляется не судом, а специально созданными комиссиями — административными органами. Кроме того, амнистия издаётся, как правило, в связи с памяtnыми датами в истории государства. Указы о единовременном освобождении к таким датам не приурочиваются. Значительны отличия и в контингенте лиц, к которым применяются те и другие акты»².

На наш взгляд, ближе к истине С. И. Комарицкий, который считает, что «Указы о единовременном освобождении являются именно актами об амнистии»³. Действительно, совокупность признаков, определяющих акт об амнистии и Указы о единовременном освобождении, совпадает (по нормативному характеру, субъекту издания, единовременности, исключительности, распространении на сходные категории лиц). Различия же между этими актами не имеют принципиального значения для их классификации.

Следует отметить, что круг органов государства, применяющих амнистию, широк и может изменяться. Это связано в основном с содержанием данного акта: как правило, его применяет тот орган, который в момент вступления амнистии в силу осуществлял привлечение к уголовной ответственности или исполнение уголовного наказания. Правовой базой для этого в отношении органов, исполняющих наказание, служит ст. 46 Основ уголовного законодательства, где указано, что освобождение осужденного от наказания, а равно смягчение ему наказания осуществляется только судом, за исключением случаев применения амнистии и помилования. Однако, имея в виду это положение, нельзя прийти к выводу, что амнистия не может применяться судами: практика, напротив, свидетельствует о распространенности судебного применения амнистии. Рассмотрим, например, Указ об амнистии от 27 декабря 1982 г. Его исполняли не только специально созданные при исполкомах местных Советов народных депутатов комиссии, но и иные органы, в том числе суды, применявшие амнистию в отношении:

лиц, дела о преступлениях которых находились в производстве судов и до вступления Указа в силу не рассмотрены, а также в отношении лиц, дела о преступлениях которых рассмотрены, но приговоры не вступили в законную силу;

осужденных, имеющих отсрочку исполнения приговора, условно осужденных и осужденных к штрафу, если ко дню вступления Указа в силу штраф не взыскан (вопрос о применении амнистии решал суд, вынесший приговор);

лиц, условно-досрочно освобожденных от наказания до вступления Указа в силу (вопрос о применении амнистии решал суд, вынесший определение о применении условно-досрочного освобождения).

Аналогичная норма распространялась на суды и по Указу об амнистии от 4 ноября 1977 г. Судебное исполнение этих Указов не применялось к лицам, отбывавшим наказание в виде лишения свободы. Однако история развития института

¹ Михлин А. С. Некоторые правовые проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания. — Труды ВНИИ МВД СССР, М., 1976, № 40, с. 73.

² Михлин А. С. Указ. статья, с. 73. Аналогичную точку зрения высказывает и К. Мирзажанов (См.: Мирзажанов К. Вопросы советского уголовного права. Ташкент, 1980, с. 13—14).

³ Комарицкий С. И. Эффективность освобождения из исправительно-трудовых учреждений по амнистии. — М., 1982, с. 8.

амнистии в СССР знает случаи, когда акты об амнистии применялись судами и в отношении лиц, отбывавших лишение свободы⁴.

Кроме того, вопрос о порядке применения того или иного акта государства как вопрос процессуальный не меняет материально-правовой природы самого акта.

Практика же приурочивания амнистий к определенным датам в жизни государства не является обязательным признаком амнистии. Советское законодательство знает немало амнистий, которые не были приурочены к какой-либо определенной дате. Это, например, амнистия от 17 мая 1975 г. «Об освобождении из мест лишения свободы некоторых категорий осужденных к лишению свободы и лиц, совершивших преступления, не являющиеся тяжкими».

Таким образом, с учетом сказанного можно прийти к выводу о том, что Указы о единовременном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду были амнистиями. Этой же точки зрения придерживается и С. И. Комарицкий⁵.

Советское законодательство знает много случаев, когда отдельным Указом придавался характер постоянно действующего закона. Указы об амнистии всегда единовременны, т. е. распространяются на деяния, совершенные лишь до определенного момента.

Говоря о правовой природе амнистии, нельзя не иметь в виду, что это правовой институт, т. е. определенная совокупность и общность норм, регулирующих ряд общественных отношений.

Н. Д. Дурманов, например, считает, что амнистия — это в основном государственно-правовой акт и потому относится главным образом к отрасли государственного права⁶; М. П. Карпушин и В. И. Курляндский рассматривают амнистию как уголовно-правовой институт⁷; Б. А. Галкин и В. И. Квашис полагают, что отнесение амнистии к какой-либо отрасли права неверно, ибо она совмещает в себе признаки и материального, и процессуального права⁸. Т. А. Синцова отмечает, что отношения, возникающие при издании и применении амнистии, относятся как к области государственного, так и уголовно-процессуального права⁹.

И действительно, правовая природа амнистии сложна и многоаспектна. Так, в соответствии со ст. 121 Конституции СССР, право издания общесоюзных актов об амнистии — исключительная прерогатива Президиума Верховного Совета СССР, входящая в тот круг полномочий, которые образуют собственную компетенцию Президиума Верховного Совета СССР. Исходя из этого, не требуется последующее утверждение данного акта Верховным Советом СССР.

Как отмечалось выше, субъектами издания актов об амнистии могут быть и высшие государственные органы союзных республик. В Конституциях шести республик — Украинской, Белорусской, Казахской, Азербайджанской, Киргизской и Таджикской, — например, специально оговорено, что издание актов об амнистии отнесено к компетенции Президиумов Верховных Советов этих республик. В Конституциях остальных союзных республик, в том числе Узбекской ССР, такого указания нет¹⁰.

Следует отметить, что правом издания амнистий союзные республики практически не пользуются уже с 1936 г. Очевидно, такая практика сложилась потому, что Конституцией СССР (ст. 73) закреплена норма об отнесении к исключительной компетенции Союза ССР (в лице его высших органов государственной власти и управления) обеспечения единства законодательного регулирования на всей территории СССР и установления Основ законодательства Союза ССР и союзных республик. Из этого следует, что основные положения, касающиеся реализации уголовной ответственности за совершенные преступные деяния, должны быть одинаково урегулированы на всей территории. Такое единообразие необходимо и в решении вопросов освобождения от уголовной ответственности и наказания в порядке амнистии.

Наше государство имеет единую систему судебных органов, применяющих наказание. При этом все наказания, кроме исправительных работ, могут отбываться за пределами той союзной республики, где лицо было осуждено. Не единичны слу-

⁴ См., напр.: Инструкцию Наркомюста РСФСР от 6 ноября 1920 г. «О порядке применения амнистии, объявленной к 3-ей годовщине Октябрьской революции (СУ РСФСР, 1920, № 88, ст. 451); постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19 сентября 1945 г. «О порядке применения амнистии от 7 июля 1945 г. в случае осуждения по совокупности при отсутствии в приговоре указания о размере наказания по каждому преступлению, входящему в совокупность (Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1957 гг. М., 1958, с. 76—77).

⁵ Комарицкий С. И. Указ. статья, с. 10.

⁶ Дурманов Н. Д. Амнистия и помилование по Конституции СССР.— Советское государство и право, 1946, № 5, с. 43.

⁷ Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974, с. 224.

⁸ Галкин Б. А. Единство Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик.— В кн.: Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР, М., 1959, с. 114—115; Квашис В. Е. Гуманизм советского уголовного права. М., 1969, с. 63—64.

⁹ Синцова Т. А. Амнистия и помилование в советском государственном праве.— Правоведение, 1969, № 6, с. 118.

¹⁰ Такое указание имелось в Конституции Узбекской ССР до 1978 г. (ст. 19 п. «з»).

чая совершения одним лицом преступлений на территории разных союзных республик и даже осуждения судами разных республик. При таких условиях издание амнистии высшим органом власти союзной республики, которая может распространяться только на лиц, осужденных судами этой республики, создаст ряд серьезных трудностей: необходимо выявить таких осужденных по всей территории страны, затем создать там органы, которые взяли бы на себя применение амнистии (а если изданы акты об амнистии в разных республиках одновременно, да еще с различными условиями применения?). Сложно и этапировать осужденных к месту осуждения для решения вопроса о применении амнистии. Создание же высшим органом власти одной республики комиссий, которые будут решать вопрос об амнистировании на территории другой республики, с участием местных должностных лиц, очевидно, практически и юридически невозможно. Еще более важен моральный вопрос: может ли быть признано справедливым освобождение в одной и той же колонии части осужденных только потому, что они осуждены судом какой-то одной республики.

Далее. К настоящему времени союзные республики в социальном отношении развиваются в целом примерно одинаково. Уголовно-правовая политика и судебная практика во всех республиках едины. Так есть ли основания для издания акта об амнистии в одной республике и непринятия такого акта в остальных?

Исходя из сказанного, представляется, что и впредь амнистии в СССР должны быть общесоюзными.

Для правотворческой деятельности Президиума Верховного Совета СССР в последние годы характерно то, что об амнистии издается сразу два документа: Указ и постановление о порядке его применения. И если сам Указ содержит материально-правовые нормы, то постановление направлено на решение вопросов процессуального порядка, а также толкование отдельных норм Указа. Оба документа имеют нормативный характер, причем первый относится к области материального права, а второй содержит нормы из области процессуального права. Это наглядно демонстрирует межотраслевое положение амнистии.

Б. А. Галкин, разбирая межотраслевое положение амнистии, писал: «Тесная связь Основ уголовного законодательства и Основ уголовного судопроизводства проявляется в общности многих институтов и понятий, к числу которых можно отнести такие, как ...амнистия»¹¹.

Следует отметить, что институт амнистии является общим не только для уголовного и уголовно-процессуального, но и для исправительно-трудового права. Амнистия — один из видов освобождения от наказания, что закреплено в ст. 46 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик. А институт освобождения от наказания, особенно досрочного, — один из важнейших в исправительно-трудовом праве.

Наконец, амнистия, как известно, может включать в себя и нормы административно-правового характера.

Все сказанное позволяет характеризовать институт амнистии как межотраслевое объединение норм, межотраслевой институт. В этой связи, по нашему мнению, можно согласиться с существующей точкой зрения, что одним из видов освобождения от уголовной ответственности, обладающим специфическими чертами, является освобождение от уголовной ответственности по амнистии¹².

Представляется, что дальнейшее изучение понятия и правовой природы, процессуальных и других вопросов применения амнистии, а также совершенствование законодательства и практики его применения будут способствовать повышению ответственности этого правового института.

В. В. Черняевский

¹¹ Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962, с. 133.

¹² См., напр.: Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основания по советскому праву. М., 1963, с. 246—249.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ УзССР В УСЛОВИЯХ ЗРЕЛОГО СОЦИАЛИЗМА

Классики марксизма-ленинизма раскрыли основные закономерности возникновения и развития городов как следствия развития производительных сил, углубления общественного разделения труда, изменения производственных отношений. Они научно обосновали роль и характер городов в классово-антагонистическом и социалистическом обществе. Города всегда соответствовали определенным способам производства, и типы их сменяли друг друга вместе со сменой общественно-экономических формаций. В различных социально-экономических формациях закономерности формирования и роста городов различны. Так, при феодализме образование городов опиралось главным образом на развитие ремесла и торговли. Появление фабрично-заводского производства с развитием капиталистических отношений способствовало интенсивному росту городов в условиях буржуазного общества.

В основе возникновения и развития социалистических городов лежат планомерное развитие народного хозяйства, целесообразное размещение производительных сил, рациональное использование природных богатств, энергетических и сырьевых

ресурсов. В. И. Ленин четко определил разницу во взаимоотношениях между городом и деревней при капитализме и социализме. Он писал: «Город давал деревне при капитализме то, что ее развращало политически, экономически, нравственно, физически и т. п. Город у нас само собой начинает давать деревне прямо обратное»¹.

В ходе социалистического строительства в нашей стране уничтожена противоположность между городом и деревней, преодолены стихийность и хаотичность в развитии городов. При социализме город коренным образом изменяет свои функции и оказывает деревне огромную помощь в области хозяйственного, политического и культурного строительства.

В социалистическом обществе рост значения городов обуславливается прежде всего усилением роли рабочего класса — ведущей социальной силы, основной опоры Советского государства, активного носителя новых, социалистических отношений, вносящего решающий вклад в коммунистическое строительство. Социалистическая действительность убедительно подтверждает ленинское положение о том, что «города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса»².

Грандиозные успехи в социально-экономическом развитии страны обусловили бурный рост градообразовательных процессов в СССР, в том числе в Узбекистане. Именно город является центром развития научно-технической революции, быстрого расцвета науки, образования и культуры. Рост квалифицированных кадров рабочих, научных, инженерно-технических работников и других отрядов интеллигенции происходит в городе более высокими темпами, чем в деревне. Огромный научно-технический, культурный, духовный потенциал советского города в условиях зрелого социализма служит развитию экономики и культуры всей страны.

История человечества никогда не знала таких темпов роста городов, повышения их роли и значения, распространения масштабов городской культуры, городского образа жизни, как в период социалистического и коммунистического строительства, обеспечивающего все более благоприятные условия для всестороннего, гармоничного развития личности, роста производительности труда, подъема общественно-политической активности масс, благоустройства быта и организации отдыха трудящихся. Политика социалистического градостроительства направлена на коренное оздоровление условий городской жизни.

В решениях XXVI съезда КПСС предусмотрено «улучшать размещение производительных сил... последовательно проводить линию на ограничение роста крупных городов, развивать малые и средние города, размещая в них специализированные, высокопроизводительные производства, филиалы предприятий, объединений»³.

Для Узбекистана, как и всей страны, период зрелого социализма характеризуется бурным процессом урбанизации.

Основным градообразующим фактором служит рост социалистической промышленности. Все более важное значение приобретают и другие факторы — орошение новых земель на индустриальной основе, освоение новых месторождений полезных ископаемых, развитие системы административно-территориального управления и др.

Современный этап зрелого социализма отличается интенсивным и устойчивым ростом всех отраслей социалистической индустрии. На основе успешного выполнения пятилетних планов в строй вошло множество новых крупных промышленных предприятий, гидроэлектростанций и других объектов, осуществлена широкая программа капитального строительства. А в результате только за 1961—1980 гг. в республике появилось 332 новых крупных государственных промышленных предприятия⁴. В их числе — Навоийский и Алмалыкский химические комбинаты, Денауский маслоэкстракционный завод, Красногардейский винный комбинат, Ахангаранский завод минерально-ватных изделий, деревообделочный завод в Джаркургане, Гулистанская швейная фабрика и многие другие предприятия, возникшие в новых городах. На экономической карте республики появились такие мощные электростанции, как Навоийская, Тахиаташская, Ташкентская, Сырдарьинская и др. Ныне в УзССР действует свыше 1700 крупных промышленных предприятий более чем 100 отраслей.

В создании и развитии многих промышленных предприятий большую роль сыграли открытие и освоение новых месторождений полезных ископаемых, минерально-сырьевых, топливных ресурсов.

Новые социалистические города Узбекистана, возникшие в условиях зрелого социализма, можно разделить на несколько групп: города, образовавшиеся с ростом населения в населенных пунктах в связи с созданием в них предприятий легкой и пищевой промышленности, транспортных и строительных организаций (Аккурган, Ургут, Галляраш, Гиждуван, Акташ, Денау, Шерабад и др.), сооружением электростанций и эксплуатацией газовых месторождений (Ширин, Газли, Туямуюн и др.), развитием добывающей промышленности (Учкудук, Зарафшан, Марджанбулак, Шаргунь и т. д.).

В качестве градообразующего фактора в республике все ошутимее выступают орошение и освоение новых земель и развитие системы административно-территори-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 367—368.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 341.

³ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 138.

⁴ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1979 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1980, с. 158; Узбекистан в годы десятой пятилетки (1976—1980 гг.). Статистический сборник. Ташкент, 1981, с. 68.

ального управления. Особенно важное значение в этом отношении имел крупномасштабный переход к индустриально-комплексному методу орошения и освоения целинных массивов Голодной, Каршинской, Шерабадской степей и др. В результате, например, на территории Голодной степи появились две новые административные области Узбекской ССР — Сырдарьинская и Джизакская, возникли такие города, как Гагарин, Пахтакор, Ульяновск и др., а со строительством крупных водохранилищ — Советабад, Талимарджан и т. д.

О нарастающих темпах возникновения новых городов в условиях зрелого социализма свидетельствует уже тот факт, что за 1961—1983 гг. на карте Узбекистана появилось более 75 новых социалистических городов, тогда как за 1930—1960 гг. — лишь 25.

В возникновении и развитии новых городов огромную роль сыграли братская дружба и сотрудничество народов нашей страны. Многонациональные по составу своих строителей и населения новые города стали замечательной школой и наглядным воплощением могучей силы социалистического интернационализма.

В ходе строительства и развития новых городов все более крепнет союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции. Так, в сооружении различных городских объектов самое непосредственное участие принимают колхозники, работники умственного труда, а рабочие оказывают активную помощь в укреплении материальной базы колхозного производства, социально-экономическом и культурном развитии села.

С ростом городов в УзССР, как и по всей стране, неуклонно растут абсолютная численность и удельный вес городского населения. Уже к 1981 г. численность его в Узбекистане составила 6706 тыс. человек (41,5% всего населения), тогда как в 1959 г. она насчитывала 2729 тыс. человек (33,6%)⁵. Многонациональность населения способствует интенсивной интернационализации всех сторон городской жизни.

Основную массу населения городов составляет рабочий класс, удельный вес которого в составе населения УзССР в 1980 г. достиг 52,9% против 39,8% в 1959 г.

С развитием народного образования, культуры, науки растут и ряды городской интеллигенции.

Все эти и другие процессы еще более повышают ведущую роль городов в развитии социалистическом обществе, его совершенствовании и дальнейшем успешном продвижении по пути к коммунизму.

С. Турсунов

⁵ Народное хозяйство УзССР в 1980 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1981, с. 5.

ИЗ ИСТОРИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ ТУРКЕСТАНА В СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

После победы Великого Октября одной из важнейших задач ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского государства стало повышение политической активности трудящихся масс ранее угнетенных царизмом народов, всемерное вовлечение их в управление государством. Особенно трудно было решать эту задачу на бывших колониальных окраинах России. Выступая на II Конгрессе Коммунистического Интернационала, В. И. Ленин отмечал, что в таких отсталых странах, как Туркестан, коммунистам приходится преодолевать колоссальные трудности, чтобы пробудить в массах стремление к политической деятельности. Но тем не менее и там достигнуты значительные успехи. «...Крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле»¹, — писал Владимир Ильич. И далее он подчеркивал, что «идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»².

Коммунистическая партия и Советское государство, развертывая советское строительство в национальных районах, проявляли особую заботу о том, чтобы во главе органов власти там стояли местные работники, знающие язык и обычаи коренного населения. Впервые язык коренного населения стал государственным и наравне с русским применялся в советских учреждениях национальных республик.

Вовлечение трудящихся коренных национальностей в советское строительство осуществлялось по многим каналам: через Советы, революционные комитеты, комитеты бедноты, профсоюзы, комсомол и т. д.

Большая работа по вовлечению в управление государством широких слоев трудового населения, развитию их политической активности велась в Туркестане, особенно после образования Туркестанской АССР. Наиболее эффективной формой вовлечения местных трудящихся в управление государством здесь, как и по всей стране, явились Советы. Уже в марте-апреле 1918 г. в Туркестане прошли перевыборы в Советы рабочих и солдатских депутатов. В радиотелеграмме Совнаркому РСФСР от 10 апреля 1918 г. председатель ТуркЦИКа П. А. Кобозев с удовлетворением

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 244.

² Там же, с. 244—245.

сообщал, что «белые мусульманские чалмы заметно выросли в рядах ташкентского пролетарского парламента, достигнув одной трети всего его состава»³.

Значительно выросло число представителей местных трудящихся в партийных организациях, Советах, других общественных организациях после I съезда КПТ (июнь 1918 г.), обратившего особое внимание на повышение политической активности мусульманского пролетариата⁴.

Созданный на V Краевом съезде Советов Комиссариат по национальным делам Туркестана посылал на места инструкторов для организации Советов дехканских депутатов, оказывал серьезную помощь в осуществлении принципов советской автономии, способствовал повышению классовой сознательности трудящихся коренных национальностей, вовлечению их в органы Советской власти. Комиссариат открывал курсы, где готовились кадры для комитетов бедноты и земельно-водных комитетов. Для преподавания там социально-политических наук были приглашены наиболее опытные партийные работники, как В. Д. Вогинцев, М. С. Качуринер и др.⁵

При Советах ТАССР начали создаваться национальные отделы, через которые коренное население вовлекалось в работу местных органов власти.

В постановлении ТуркЦИКа от 9 августа 1918 г. указывалось, что в органах власти должны работать люди, знающие местный язык. Все делопроизводство должно вестись и на русском, и на местном языках. В школах первой ступени обучение следовало вести на родном языке, а в школах второй ступени были обязательны и родной, и русский языки⁶.

В октябре 1918 г. состоялся Чрезвычайный VI Краевой съезд Советов Туркестана. Свыше 40% его участников были представителями местных национальностей. Съезд уделил большое внимание укреплению Советской власти в кишлаке, вовлечению в Советы трудящихся дехкан.

В марте 1919 г. состоявшаяся в Ташкенте II Краевая партийная конференция приняла ряд важных постановлений по вопросам советского государственного строительства. Так, в целях усиления агитационно-пропагандистской работы среди трудящихся масс коренного населения решено было организовать при Крайкоме КПТ Краевое мусульманское бюро (Краймусбюро). Оно развернуло большую работу по пропаганде идей коммунизма среди трудящихся коренных национальностей, привлекая их на сторону Советской власти, втягивая массы в советское строительство.

Важную роль в дальнейшем вовлечении широких масс коренных национальностей в советское строительство сыграли решения IV Чрезвычайного съезда КПТ (сентябрь 1919 г.). В резолюции съезда указывалось: «В целях вовлечения мусульманских трудящихся масс и бедноты к советскому творчеству и строительству вменяется строго в обязанность Крайкому партии, Краймусбюро и партийным организациям на местах принять все меры по организации мусульманского пролетариата в городах, трудового населения и дехканства в кишлаках и аулах в классовые организации по классовому признаку»⁷.

В развертывании советского государственного строительства большую помощь Туркестану оказала Комиссия ВЦИК и Совнаркома РСФСР по делам Туркестана, которая в своей многогранной деятельности уделяла значительное внимание и росту политической активности трудящихся коренных национальностей, вовлечению их в управление государственными и общественными делами.

С 6 сентября по 3 октября 1919 г. проходил VIII съезд Советов Туркестанской АССР. В телеграмме на имя В. И. Ленина делегаты съезда заявили: «Большинство нашего VIII съезда Советов состоит из коммунистов-мусульман, искренне стремящихся к проведению в толщу мусульманских масс всего Востока идей коммунизма и советского строительства»⁸.

IX Краевой съезд Советов, состоявшийся в сентябре 1920 г., вновь уделил большое внимание вопросу вовлечения трудящихся местных национальностей в государственное строительство. Из 211 делегатов съезда 106 были представителями коренного населения края⁹.

В результате большой, целенаправленной работы партийных, советских органов неуклонно расширялось представительство трудящихся коренных национальностей в Советах края. Так, в 1920 г. представители коренного населения в уездных и городских ревкомах Сырдарьинской и Ферганской областей составляли 52,5%, Самаркандской области — 66,6%, в районных ревкомах Андижанского, Наманганского, Ошского уездов Ферганской области — 92%. В целом по 5 областным ревкомам ТАССР на долю представителей коренного населения приходилось уже 58,3% их состава¹⁰.

³ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 73, л. 5—6.

⁴ Там же, д. 71, л. 26.

⁵ ПА Ташкентского ОК КПУз, ф. 18, оп. 1, д. 6, л. 19 об.

⁶ Иноятов Х. Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. М., 1958, с. 314.

⁷ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918—1924 гг.). Ташкент, 1968, с. 65—66.

⁸ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сборник документов. Т. 1. М., 1970, с. 375—376.

⁹ Съезды Советов в документах, т. 1, с. 428—433.

¹⁰ Шамсутдинов Р. Т. Из истории революционных комитетов Туркестана в 1918—1923 гг.— История СССР, 1970, № 26, с. 61.

Все более широкое вовлечение трудящихся коренных национальностей в центральные и местные органы Советской власти способствовало общему подъему советского строительства в крае, ускорило советизацию туркестанского кишлака, укрепляло социальную, политическую базу для успешного развертывания социалистических преобразований в Туркестанской АССР.

Ф. Х. Набиев

ИЗ РУССКО-БУХАРСКИХ ПОСОЛЬСКИХ СВЯЗЕЙ XVII ВЕКА

(Русский посол Бухары в Москве)

В истории взаимоотношений России со среднеазиатскими ханствами важное место издавна занимали дипломатические связи, все более интенсивно развивавшиеся с XVII в. При этом Русское государство в дипломатической работе и других ответственных государственных делах нередко использовало узбеков, а правители ханств — русских людей.

Известно, что в рассматриваемое время в Западной Сибири, Астрахани и других местах России образовались поселения узбеков и иных выходцев из Средней Азии. Русское правительство привлекало из их числа наиболее подходящих людей для выполнения функций послов и прочих важных государственных поручений. Еще в 1645 г. царь Михаил Федорович в грамоте о предоставлении узбекам ряда льгот подчеркивал, что «из бухарцев посылают из Тобольска на отъездные службы на Устюг Великой для покупки меду и сукон и холстов и всяких судовых запасов, да на Обдорскую заставу и на Яровое Плесо для рыбные ловли, и на те службы на всякий год по пяти человек. Да они же де, бухарцы, в Тобольску городовое и острожное дело с тобольскими служивыми и с посадскими и со всякими тутошними жилецкими людьми делают в ряд»¹.

Проживавший в Тобольске узбек Саидкул в качестве представителя Русского государства трижды (1653, 1658 и 1668 гг.) побывал в Китае². В 1675 г. русское правительство отправило узбека Мухаммеда Юсупа Касымова в качестве посла в Индию для установления экономических и посольских связей с этой страной³.

В свою очередь, узбекские правители привлекали русских людей для выполнения важных государственных дел. Так, в 1671 г. посол Бухары Мулла Фаррух в беседе с представителями русского правительства в Москве заявил, что в Бухаре русские люди «у хана их в государстве в великой чести и многие из них начальными и ближними людьми учинены, и при ханове дворе пребывают»⁴.

В этом отношении весьма показательна деятельность самого Хаджи Фарруха, занимавшего высокий пост при дворе бухарского хана Абдулазиза. Как свидетельствуют источники, Хаджи Фаррух был одним из самых авторитетных и влиятельных людей в бухарском правительстве, которое и направило его в Россию в качестве посла. В 1674 г. Хаджи Фаррух в сопровождении 14 человек прибыл в Тобольск, где, между прочим, сообщил местным властям, что «русское имя ему Микита»⁵. Касаясь этого вопроса, тобольский воевода в своем донесении царю писал: «...Бухарский хан ныне выбрав послал к вам великим государем к Москве послом с листом и с подарком через Тобольска для того, что де он русские породы»⁶. В послании перечислены привезенные послом товары: 160 концов⁷ пестредей⁸ бухарских, 40 — бязей узких, 40 — бязей лощеных⁹, 180 — зерденей семенди¹⁰, 120 кушарков крапивных¹¹, 20 сафьянишков бухарских¹², 4 конца выбоек узких¹³, 10 пудов хлопка-сырца¹⁴. С указанных товаров взималась «великих государей двадцатая пошлина»¹⁵.

В Тобольске бухарский посол был снабжен всем необходимым для дальнейшего следования в Москву. 16 января 1675 г. он отправился в Москву в сопровождении сына боярского Петра Грузинца, толмача Гришки Скибина и двух служащих. Прибыв в Москву, Хаджи Фаррух имел там встречи с царем и крупными государственными деятелями и передал им ярлык Абдулазизхана, адресованный царю Алек-

¹ ЦГАДА СССР, ф. 109. Сношения России с Бухарой, д. 1, л. 300.

² Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958, с. 57, 96, 101.

³ Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958, с. 191—192.

⁴ ЦГАДА СССР, ф. 109, д. 1, л. 112.

⁵ Там же, л. 4.

⁶ Там же.

⁷ Величина «конца» колебалась в широких пределах — от 6 до 80 аршин.

⁸ Пеньковая пестрая ткань, сделанная из ниток двух цветов — крашеной основы и белого утка или наоборот.

⁹ Бумажная ткань с наведенным лоском, блестящая.

¹⁰ Тройная зердень — ткань.

¹¹ Пояс, сделанный из крапивного (грубого небеленого) холста.

¹² Выделанная козловая кожа различной окраски.

¹³ Ткань с напечатанным рисунком.

¹⁴ ЦГАДА СССР, ф. 109, д. 1, л. 7.

¹⁵ Там же.

сею Михайловичу. В ярлыке вначале отмечалось, что в 1669 г. в Бухару были направлены русские послы Борис Андреев и Семен Пазухин: «Для знаку пути на обе стороны для любви и прибыли изволили пушкарского начальника прислать к нам, и он у нас был и от милостивого лица отпущен»¹⁶. Затем хан сообщал о посылке в Россию Хаджи Фарруха и Мулланазара Мухамедова: «Ныне против прежней посылки послали породных и верных холопей своих пушкарского голову Аджи Фарруха, да Молла Назар Магомет, чтобы на обе стороны ссылка и дружба прибавлялись и о нескольких кречетах и что иное в вашем государстве будет годно нашей государственной казне»¹⁷.

Хаджи Фаррух представил царю подарки Абдулазизхана, которые включали 9 луков бухарских и 9 бобров, заявив при этом: «Государь де ево, Абдулазизхан, с великим государем в дружбе и в любви быть zelo желает и послал к великому государю и его царскому величеству посла своего Назар Магомета, а с ним послал к великому государю поминков на 200000 рублей и того посла ограбили калмыки на Яике...»¹⁸

Вместе с тем он напомнил, что несмотря на столь большой ущерб, Абдулазизхан послал в 1671 г. с подарками и товарами в Москву своего посла Муллу Фарруха, который не вернулся на родину. В силу изложенных обстоятельств, говорил далее посол, хан не решился послать его с большими подарками. Тем не менее, отметил он, в Бухаре уже подготовлены ценные подарки царю, которые при первой же возможности будут отправлены в Москву. Эти подарки, список которых был представлен послом русскому правительству, состояли в следующем: 1 слон, 2 бобра, 18 иноходцев бухарских, 2 тулфара (особо резвый боевой конь), 2 быка индийских белых больших, 2 рыси, 2 козла диких, 2 попугая, 2 майны (птицы), 2 обезьяны черные, 2 арабских мальчика, 9 щитов, оправленных золотом с камнями, 2 рога носорога длиною по аршину, 9 седел, оправленных золотом с камнями, 9 каракулей, 9 сабель стальных, оправленных золотом и камнями, 9 стальных ножей, оправленных золотом и камнями, 17 кож бобровых, 27 кож барсовых, 18 шелковых тканей золотых, 9 бархатов, 9 атласов, 15 аршин шерстяных тканей, 17 выбоек, шитых золотом, 216 аршин пестреди индийской, палатка большая ханская, 2 шатра цветных, 2 избы ханские походные, 27 камней бадахшанских, кушак золотой с дорогими камнями, 18 рукавиц перчатых, шитых золотом, 36 луков ханских и др.¹⁹

Как видно, ассортимент подарков был весьма обширным и дорогостоящим, в чем выражалось стремление Бухарского ханства укрепить связи с Русским государством.

В Москве Хаджи Фаррух имел ряд встреч в посольском приказе, ведавшем сношениями с европейскими и восточными странами. Глава приказа А. С. Матвеев и его помощники задавали ему ряд вопросов, касавшихся русско-бухарских отношений. Прежде всего посол рассказал о своем происхождении следующее: «Он де Аджи-фарук русской породы, отец у него жил в Дорогобуже и в Астрахань был сослан. А он родился в Астрахани и взят в полон в калмыки, мал восьми лет. И ис калмык ходил посол к бухарскому хану и ево отдал хану в подарках, а какова чину отец ево был того он не помнит, только слышал он, что отец ево слыл Теряев и жил он у бухарского Надирмагометхана нынешнего Абдулазиз Богадырхана, у отца 3 годы и тот Надирмагометхан умре. И после его учинился на государстве сын ево нынешний Абдулазизхан тому уже ныне 30 лет и живет он все при хане»²⁰. Таким образом, он вырос и воспитывался при бухарском дворе, где впоследствии получил чин тупчибаши, т. е. командира артиллерии. Вот что говорил по этому поводу сам Хаджи Фаррух: «По ханове де милости он полковник, а в полку у него 500 человек бухар, а 500 русских»²¹.

Следовательно, Хаджи Фаррух укрепил бухарское войско русскими войнами, что было продиктовано необходимостью усиления боеспособности военных сил ханства. Хаджи Фаррух говорил, что русские люди в Бухаре живут «в великой чести и многие из них начальными и ближними (людьми) учинены»²².

В беседах было уделено большое внимание и развитию торговли между двумя странами. Касаясь этого вопроса, Хаджи Фаррух заявил, что в Бухаре имеется большой спрос на такие русские товары, как соболи, сукна, зеркала, бобры, выдры, меха бели и заячьи, горностаи, корольки. Взамен этих товаров, говорил он далее, в Бухаре можно приобрести: камки, атласы, драгоценные камни, золото, серебро и другие товары. Вместе с тем посол подчеркнул, что Русское государство может вести связи через Бухару с Хивинским ханством, Балхом, Индией и другими странами Востока. В частности, он отмечал: «А Хивинской и Бухарской и Балхинской ханы меж собою свои. Хивинского Навшамбет (Ануша.— Х. З.) хана сестра родная за бухарским Абдулазизханом. А бухарского за хивинским дочь родная. А Балхинской хан бухарскому Абдулазизу брат родной меньшей и живут все в совете. И тем

¹⁶ Там же, л. 28.

¹⁷ Там же, л. 29.

¹⁸ Там же, л. 70.

¹⁹ Там же, с. 52—55.

²⁰ Там же, т. 68—69.

²¹ Там же, с. 78.

²² Там же, л. 112.

де царского величества посланнику к бухарскому хану и к индийскому шаху итти и от них возвращаться будет безопасно. А есть ли де и индийской шах к царскому величеству послов своих и торговых людей учнет присылать и государь ево Абдулазизхан бухарской и с родным его юрьгенской и балхинской ханы тех послов пропускать чрез владенье свое и провозать велят»²³.

При этом посол сообщил некоторые сведения о караванных путях, отметив, что Индия расположена довольно близко от Бухары. Из Бухары до Балха пути следования 10 дней, из Балха до Кабула, находящегося вблизи Индии,— еще 10 дней²⁴.

Таким образом, Хаджи Фаррух заверял русское правительство, что Бухарское ханство готово не только само развивать торговые и посольские связи с Россией, но и обеспечить безопасность русских купцов и послов в случае их отправки за пределы ханства, вплоть до Индии. Он предлагал, чтобы в дальнейшем купцы и послы из России отправлялись более близким и безопасным путем — через Астрахань. «А впредь бы царского величества,— говорил он,— послам и посланникам в Юргенчи и в Бухары и в Балх и в Индию ходить на Астрахань... та же дорога ближе и ныне свободна»²⁵.

Хаджи Фаррух обратил внимание представителей посольского приказа на тот факт, что при нем прибыли из Бухары купцы со многими товарами в Тобольск, но местная администрация не разрешила им ехать в Москву, ибо была заинтересована в реализации бухарских товаров в Сибири. Прибытие же бухарских купцов в Москву и другие внутренние города страны было весьма выгодным для них, так как они могли бы приобрести русские товары из первых рук. Поэтому Хаджи Фаррух, идя навстречу интересам бухарских купцов, просил, чтобы в дальнейшем «торговых людей ис Тобольска к Москве отпустить»²⁶.

Хаджи Фаррух старался также выяснить вопрос о судьбе упомянутого выше бухарского посла Муллы Фарруха, который после удачного завершения своей миссии в Москве отбыл в Тобольск, откуда должен был отправиться на родину. Однако там он скончался от болезни, а имущество и товары его пропали, что сильно встревожило бухарского хана. Последний заявлял об этом в своем ярлыке. Хаджи Фарруху в Тобольске удалось узнать от бухарских купцов об ассортименте и объеме товаров, принадлежавших покойному послу. Как видно из заявления Хаджи Фарруха, они были куплены взамен товаров, принадлежавших бухарскому хану: «Бухарского Абдулази Богатырхана животом, что с послом было с Молла Фаррухом, что куплено было на Москве ис хановы казны на его ханов обиход»²⁷.

Здесь небезынтересно привести хотя бы общий перечень товаров, купленных Муллой Фаррухом для ханской казны. Это — пуговицы серебряные и золоченые, серьги серебряные золоченые, ножи, оправленные серебром, колокольчики серебряные, моток золота, булавки серебряные позолоченные, вилки с моржовой костью и зеркала. Кроме того, с послом были отправлены подарки царя для хана, в том числе: шубы соболей, меха соболей, бобров, лисиц черных, лисиц белых, мех из хребтов звериных шкур, мех с брюха зверя, выдра черная, пуговицы серебряные золоченые, кушаки с золотом, булавки, ножи, ножницы, зеркала, блюда столовые, чашки деревянные, фонари большие, моржовая кость, сукна, кожи, разные краски, пищали и др.²⁸

Таким образом, ассортимент товаров был весьма разнообразным и дорогим, что свидетельствовало о широком спросе на них при бухарском дворе.

Хаджи Фаррух обратил внимание представителей русского правительства и на то, что с его товаров в Тобольске взяли пошлину, тогда как «великого государя посла Бориса Пазухина с ево товаров и с купчин в Бухарах ничего не взято»²⁹. Вместе с тем он заявил, что торговые отношения России с Бухарой как через Сибирь, так и через Астрахань должны получить дальнейшее развитие. Абдулазиз, говорил посол, «наказал ему, чтобы он искреннее ево ханово к великому государю желательство чрез ближних ево людей донес, что желает с великим государем быть в дружбе и в любви и в ссылке и что б торговые люди ходили на обе стороны без урывно»³⁰.

Следует указать, что политика Абдулазизхана, направленная на укрепление связей с Россией, в значительной мере была продиктована интересами торгово-ремесленных кругов ханства. Продукция бухарского ремесленного производства находила широкий сбыт на рынках России. В свою очередь, в Средней Азии испытывалась большая потребность в русских товарах.

Эти взаимовыгодные связи заложили основу дальнейшего расширения русско-среднеазиатских отношений, которые порою выходили за рамки узкоторговых связей. Так, благодаря пребыванию русских в Бухаре среди определенных кругов местного общества зародился интерес к русской культуре. В связи с этим посол Хаджи Фар-

²³ Там же, л. 83.

²⁴ Там же, л. 80.

²⁵ Там же, л. 85.

²⁶ Там же, л. 84.

²⁷ Там же, л. 103.

²⁸ Там же, л. 103—107.

²⁹ Там же, л. 59.

³⁰ Там же, л. 75—76.

рух говорил в Москве: «Если де царское величество к хану изволит поминки послать, что бы изволил послать кречетов, да часы боевые, а к ним колокол пуда в полтора или два и с часовником да цымбалы и к ним играца и наказать тому часовому мастеру и цымбальному играцу, что б они покаместа царского величества посланники у хана побудут, часовник бы часов заводить ис тоماشного народу ково, а цымбальный игрец хановых играцов на цымбалах играть научили б и те де от великого государя поминки приятнее всего хану будут»³¹.

В Москве Хаджи Фарруху и сопровождавшим его лицам были оказаны почет и уважение. По царскому указу поденное питание послу было увеличено «вдвое того, что он приехал з добрым делом»³². Царем были даны дорогие подарки для Абдулазизхана, а также самому Хаджи Фарруху и сопровождавшим его лицам.

В ответной царской грамоте выражалось полное одобрение предложения Абдулазизхана об укреплении взаимосвязей между обеими странами: «И мы великий государь, наше царское величество с Абдулазизханом в дружбе и в любви и в ссылке быть желаем»³³. Вместе с тем Абдулазизхану сообщалось, что торговые люди из Бухары могут свободно посещать Россию. В грамоте давался ответ и относительно посла Муллы Фарруха: сообщалось, что ему было оказано большое уважение, а его вещи и товары отправлены в Бухару с его сыном³⁴.

Далее сообщалось, что царь направляет Василия Даудова и Мамет Касимова в качестве послов в Бухару и в Индию в знак изъявления дружбы и добрососедства.

Таким образом, русский посол Бухары Хаджи Фаррух, успешно выполнив свою миссию, сыграл немаловажную роль в дальнейшем развитии дипломатических и торговых отношений между Россией и Бухарским ханством.

Х. З. Зияев

³¹ Там же, л. 79.

³² Там же.

³³ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879, с. 540—541.

³⁴ Там же.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, ОТКРЫТИЯ, НАХОДКИ

НОВЫЙ БУДДИЙСКИЙ ПАМЯТНИК НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

Античное городище Дальварзинтепа, расположенное на землях колхоза им. 30-летия Октября Шурчинского района Сурхандарьинской области, является базовым объектом Узбекстанской искусствоведческой экспедиции Института искусствознания им. Хамзы. За время изучения городища выявлены местоположения кварталов керамистов, других ремесленников, дома богатых горожан и храмовая часть.

В последние годы экспедиция исследует центр древнего города и примыкающие к нему сооружения. С этой целью заложен раскоп у перекрестка главных улиц в центре города (ДТ-25).

Эти раскопки привели к открытию буддийского культового комплекса. Ныне на территории Средней Азии нам известно около 20 буддийских памятников, существовавших в течение ряда столетий в виде монастырей, храмов, святилищ и других культовых построек.

На Дальварзинтепа еще в 1967 г. обнаружено буддийское святилище, расположенное в 0,5 км от северной крепостной стены города. Теперь удалось раскопать второе буддийское сооружение на перекрестке главных улиц, близ квартала богатых горожан.

По микрорельефу было видно, что к невысокому холму с юга примыкает вал незначительной высоты и толщины, образующий у здания небольшой двор. Заложенный здесь раскоп пока выявил (полностью или частично) контуры 11 помещений.

Среди расширенных помещений определенный интерес представляют второе и девятое, где найдены остатки скульптуры и датирующий материал — монеты. Эти помещения расположены на разных участках здания.

Помещение № 2 — подквадратное в плане (6,7×7 м). Сырцовые стены сохранились на высоту около 2 м. Посредине восточной стены имеются три ступеньки, общей шириной 2,12 м, каждая из которых выступает на 60 см. Нижняя ступенька кончается на уровне пола и упирается в площадку (2,65×1,40 м), покрытую мягким пеплом толщиной 15 см; под ним — зеленоватый слой земли. Площадка эта находится чуть ниже уровня пола, как бы в специально вырытой яме, стенки которой оштукатурены и побелены. Возможно, здесь совершался какой-то религиозный обряд.

Вокруг площадки, особенно возле ступенек, встречено большое количество фрагментов гипсовых скульптур. Это были маленькие статуи, а также вдвое превышающие натуральные человеческие размеры изображения Будды. Рядом с ним, видимо, располагались бодисатвы, монахи и другие персонажи.

Разнообразны детали причесок и украшений — медальоны, розетки, нагрудные подвески, диадемы. Большая часть скульптур, судя по фрагментам, была окрашена в красный, розовый и светло-коричневые цвета, а поверх покрыта тонким листовым

золотом. Там же обнаружено множество кусочков складок одежды, окрашенных красной краской. От одного изображения Будды сохранились часть головы, круглый нимб над нею, глаза, нос, рот, прическа с ушнишей, вытянутое правое ухо, а также приподнятая правая рука с открытой ладонью. На другом изображении — женское лицо с диадемой и сплетенными косичками.

Среди находок есть морды льва, гепарда (?), а также чудовища. Морды льва часто встречаются на керамике и в архитектурных рельефах, например на капители Каратепа¹, Чингизтепа, Дальварзинтепа, Айртаме, Зартепа².

Чудовище, прикреплявшееся к стене, было выполнено в половинном рельефе; выделен один глаз. Волнистое туловище длиной до 0,5 м и зубы окрашены в черный цвет. Аналогичных находок в античных памятниках Средней Азии пока не встречено. В индийской мифологии имеется крокодилообразное существо «макара» («морской крокодил»). По преданию, оно символизирует воду, водяное чудовище. А в древнем Китае реки ассоциировались с драконами — символами обновления жизни.

Найдены две довольно хорошо сохранившиеся скульптурные головы. Одна изображает монаха, другая, — возможно, одного из буддийских персонажей. Судя по голове (высота 12 см), скульптура была небольшого размера. Лицо спокойное; глаза и нос исполнены мастерски, но брови выражены нечетко. Волнистая прическа сверху охвачена двойным рядом тюрбана, посередине которого имеется круглый выпуклый медальон.

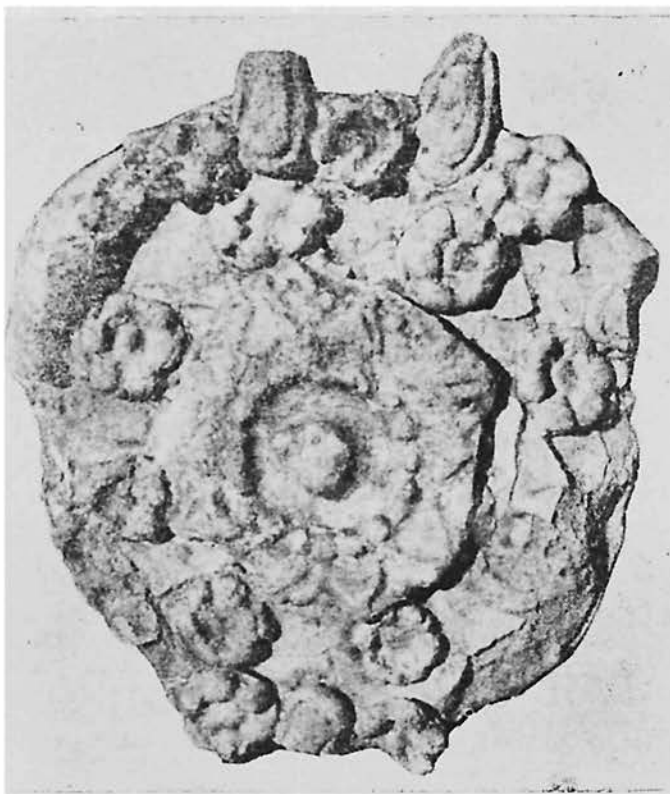

Рис. 1. Медальон из гипса.

Помещение № 9 также содержит остатки гипсовой скульптуры. Расчищено пока три стены (кроме северной). В южной стене устроена ниша (ширина — 265 см, высота сохранившейся части — до 250 см). Напротив ниши, на полу, — возвышение (268×120 см) в виде суфы. Здесь, помимо единичных фрагментов розеток, медальонов, найдены и более крупные куски скульптуры, позволяющие проследить характер и мотивы украшений. Так, на одном фрагменте (очевидно, части одежды) закреплен большой медальон (д=22 см), а на поверхности по кругу и посередине — лепестки, отдельные кружочки и миндалевидные подвески с двумя кружочками. Между двумя кружочками опускается каплеобразный подвесок, от края которого проходит ложбинка в форме банта, стянутого посередине и расширяющегося к краям. Тыльной стороной он был прикреплен к какой-то плоскости. В середине банта — гипсовый кружок, покрытый красной краской (рис. 1).

¹ Ставиский Б. Я. Новая каменная капитель из Кара-тепе в Старом Термезе. — В сб.: Древний Восток и мировая культура, М., 1981, с. 125—127, рис. 94.

² Завьялов В. А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975—1976. — Советская археология, 1979, № 3, с. 147, рис. 5.

Среди фрагментов скульптуры обнаружены также пальцы рук, сжимающие шестилепестковые рельефные цветки. На безымянном пальце — два кольца. Здесь же найдены завитки волос Будды или бодисатвы, а также стопа ноги. Одна из особенностей скульптуры — большое разнообразие причесок: волнообразной, улиткообразной, S-образной, валикообразной формы.

Характерны находки двух миниатюрных черепов. Известно, что они встречаются в венцах и браслетах «дакшитов» — воинствующих богов, защитников веры в буддийской мифологии.

Помимо гипсовой, в завале найдены остатки глиняной скульптуры, покрытые тонким слоем ганча. Так, сохранились часть массивной ноги, покрытая узорами, и пальцы рук от какой-то скульптуры.

Из рассматриваемого помещения идет проход в соседнее помещение № 3. При входе в него на площади 1,5×1,5 м обнаружена забутовочная масса из сырца (34×33×12 см). После полной расчистки выяснилось, что забутовка сделана специально, как постамент для огромной фигуры Будды, выполненной из глины. Высота сохранившейся части скульптуры — 1,3 м, *in situ* сохранились нижняя половина и массивные ноги.

Фигуру Будды постигла та же участь, что и гипсовые статуи, — голова отсечена от туловища и сброшена в перевернутом виде. Она имеет трещину, нос отбит, несколько волос улиткообразной формы раздавлены. Верхняя часть прически, где волосы собраны в пучок, частично отделилась от головы, руки и плечо отсутствуют. Довольно хорошо сохранились многочисленные складки одежды и накинутый сверху плащ, ноги, стоящие на выложенном из сырцового кирпича постаменте. Все это окрашено в очень яркий красный цвет. Волосы Будды в основе черные, поверх покрыты красным цветом, брови и зрачки также оконтурены красной краской (рис. 2).

Рис. 2. Голва Будды (глина).

Рядом с Буддой стояла другая, также исполненная из глины, фигура, от которой сохранилась часть торса.

При раскопках в других помещениях выявлены слои зольника с примесью костей животных и фрагментов кухонной посуды, достигающие 70—80 см.

Следует отметить обилие керамических светильников (более 40) в виде плоских — круглых, со сдвинутым и слегка оттянутым носиком или ладьевидной формы. Подобные светильники обнаружены на других античных буддийских памятниках — Айртаме, Каратепа.

Характерно, что большое количество аналогичных светильников имелось в позднейших буддийских памятниках. Например, в храме-вихаре Калан-Кафирниган, в тайнике, расположенном в левой щеке ниши, найдены 37 замурованных глиняных светильников, а на постаменте — сидящие скульптуры Будды (сохранились лишь одно основание и голова)³. На Аджинатепа на полу в кельях были поставлены «стопами» сотни светильников⁴.

³ Литвинский Б. А. Буддийский храм Калан-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории культуры Центральной Азии. — В сб.: История и культура Центральной Азии, М., 1983, с. 284.

⁴ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепе. М., 1971, с. 22.

Известно, что буддийские религиозные тексты содержат специальные предписания относительно поднесения светильников святыням⁵.

Из датированных материалов на нашем памятнике мы располагаем монетами, относящимися к чеканам «варварского подражания Гелиоклу», Сотера Мегаса и Канишки (I в. до н. э. и II в. н. э.).

Сопоставление с другими скульптурами, найденными на ряде памятников юга Узбекистана свидетельствует, что дальварзинская статуя Будды — первая наиболее сохранившаяся и пока уникальная статуя, выполненная из простого материала — глины.

Б. А. Тургунов

⁵ Vagueau L. A. La construction et la culte de stupa d'après les Vinayapitaka. — BEFEO, t. L/2. P., 1962, p. 244.

БУРГУЛЮКСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

В последние годы Бургулюкский археологический отряд Института археологии АН УзССР вел археологические исследования памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа в зоне затопления Туябугузского водохранилища, расположенного к югу от Ташкента.

Здесь по обоим берегам р. Ахангаран открыто 14 поселений и исследовано около 60 жилищ. Из вновь открытых памятников бургулюкской культуры особое место занимает поселение № 1. Оно расположено на левобережье Ахангарана, в 2 км к юго-западу от плотины водохранилища. Это крупнейшее поселение бургулюкской культуры в зоне затопления Туябугузского водохранилища.

Поселение представляет собой лёссовый холм почти овальной формы, вытянутый в меридиональном направлении более чем на 250 м, в широтном — более чем на 100 м, высотой 3,5—4 м. В восточной части поселения вскрыто 14 жилищ¹. Западная, северо-западная и юго-западная части поселения заканчиваются рвом, восточная, северо-восточная и юго-восточная — обрывом. Ширина рва — 20—25 м, глубина — 2—2,5 м.

Важное значение для изучения древнейшей фортификации Чача имеют выявленные в западной части поселения № 1 остатки обломочной стены, сложенной из сырцовых кирпичей (40—41×24×12 см). Толщина стены — 2 м, сохранилась она в высоту на 24—40 см, т. е. на 2—3 ряда сырцовых кирпичей, положенных плашмя.

В 1981 г. в заложеном в западной части поселения № 1 стратиграфическом шурфе (4×4 м) на глубине 1,35 м от дневной поверхности был выявлен контур могильной ямы (155×100 см), ориентированной с севера на юг. При зачистке в верхней части погребения встречались сырцовые кирпичи (40—42×24×10 см), уложенные плашмя в один ряд. Под их слоем обнаружен скелет погребенного в скорченном положении, на левом боку, головой на север. В северо-восточной части погребальной ямы, у лобной части черепа, находился обломок лопатки крупного рогатого скота, в юго-восточной части — обломки конечности бедренной кости. В южной части погребальной камеры стоял круглодонный лепной горшок бургулюкского облика, сохранившийся в фрагментах. Скелет погребенного оказался сильно потревоженным: от черепа осталась затылочная часть в фрагментах, лицевая часть отсутствует, а ее след сохранился в виде слепка на сырой глине. Отсутствуют также часть плечевых костей, стопы и фаланги ног, часть ребер и таза. Сохранность костяка из-за сырости грунта не удовлетворительная. Под костяком выявлены сырцовые кирпичи того же стандарта, что и верхние. Создается впечатление, что костяк лежал в могиле, имевшей подобие ящика из сырцовых кирпичей.

Выявление этого погребения имеет большое значение, поскольку это первое обнаруженное в Ташкентской области захоронение, относящееся к бургулюкской культуре.

Х. Дуке

¹ Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982, с. 22.

НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

СОЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ АФГАНИСТАН

Свершившаяся в апреле 1978 г. революция в Афганистане положила начало новому этапу в истории народов этой страны. Афганский народ под руководством Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) — авангарда рабочего класса и всех трудящихся страны — встал на путь создания нового общества, осуществления коренных социально-экономических преобразований.

В опубликованных в апреле 1980 г. «Основных принципах ДРА», представляющих собой временную конституцию Афганистана, в частности, предусмотрено (ст. 24), что в стране «будут последовательно осуществляться программы полной ликвидации неграмотности, широкого развития просвещения, здравоохранения и социального обеспечения, науки и техники, культуры и искусства...»¹

В этой связи следует отметить, что до 1978 г. в Афганистане не было организации, объединяющей и направляющей деятельность научных учреждений. Исследования в области естественных и общественных наук велись в рамках Центра научно-исследовательских работ при Кабульском университете, причем в ограниченных масштабах. Основное внимание уделялось филологическим и историческим наукам. Еще в 1922 г. в стране была создана комиссия по развитию языка пушту — «Пашто марака», которая занималась вопросами лингвистики и лексикографии языка пушту.

В начале 30-х годов в крупных городах Афганистана появляются первые историко-литературные общества афганских писателей и ученых. В 1937 г. в результате слияния двух литературных обществ — Кандагарского и Кабульского — была образована Афганская академия литературы и языка пушту — «Пашто Талына». Вскоре вокруг нее стали объединяться видные ученые и писатели, создавшие ряд капитальных научных трудов по языку и литературе пушту (двухтомная антология афганских поэтов, история афганской литературы, сборники стихов классиков афганской поэзии Хушхаль-хана Хаттака, Рахмана бобо, Абдулла Кадыра и др.).

Академия «Пашто Талына» имела свой печатный орган — общественно-политический журнал «Кабул» и ежегодник «Ды Афганистан каланы», где публиковались работы ученых и писателей Афганистана и переведенные на язык пушту художественные произведения зарубежных писателей.

В 1942 г. в Афганистане были созданы Историческое и Энциклопедическое общество. Историческое общество «Анджумане тарихи Афганистан», объединившее ведущих ученых-историков страны, внесло большой вклад в изучение проблем истории Афганистана и его народов и, в частности, издало три капитальных тома по истории Афганистана.

Энциклопедическое общество — «Анджумане эльмие Афганистан» — занималось публикацией сводных энциклопедических изданий на языках пушту и дари, включая 14-томную афганскую энциклопедию «Ариана».

Апрельская революция открыла широкие перспективы для развития научно-теоретической и общественно-политической мысли в Афганистане. Перед отечественной наукой были поставлены актуальные задачи, связанные с подъемом национальной экономики, повышением благосостояния трудового народа, всесторонним развитием просвещения и культуры.

В целях успешного решения этих задач в августе 1978 г. правительство ДРА приняло постановление об организации национальной Академии наук. После образования ее были проведены реорганизация и объединение гуманитарных и естественных научных учреждений в научно-исследовательские центры при Академии наук.

Всего было создано четыре таких центра:

1. Научно-исследовательский центр по естественным наукам, в состав которого входят институты геологии, зоологии, химии и физики, ботаники, сейсмологии, а также специальные отделения по изучению и использованию солнечной энергии и изучению водных ресурсов;

2) Научно-исследовательский центр по общественным наукам, в состав которого входят институты философии, социологии, экономики, психологии, востоковедения, истории и этнографии. Этим центром издается журнал «Ариана»;

3) Научно-исследовательский центр по изучению языков и литературы народов ДРА, объединяющий институты языка и литературы на пушту и языка и литературы на дари, которые имеют отделения филологии, литературы и фольклора и издают журналы «Кабул» (на языке пушту, выходит один раз в месяц) и «Хорасан» (на языке дари, выходит раз в два месяца);

4) Международный центр по изучению языка пушту, состоящий из двух отделений — научно-исследовательского и переводов. Центр издает свой журнал «Пашто», выходящий на английском, немецком, русском, французском и арабском языках.

В рамках АН ДРА создаются все новые институты. Так, большую работу по изучению древней истории Афганистана ведет организованный там Международный центр кушанских исследований. Функционируют библиотечное отделение и отделение по составлению энциклопедий и словарей.

Большую методическую и организационную помощь в развертывании деятельности молодой Академии наук ДРА оказывают советские научные учреждения. Наложено сотрудничество между Академией наук СССР и Академией наук ДРА, включая обмен учеными для научной работы, консультации, чтения лекций, ознакомление с исследованиями, совместную разработку отдельных проблем в области естественных и общественных наук, проведение двухсторонних научных симпозиумов по согласованной тематике, подготовку научных кадров для АН ДРА в научных учреждениях АН СССР.

В сентябре 1978 г. в Кабуле прошел Международный симпозиум, посвященный кушанским исследованиям, в котором приняли участие ученые из СССР, США, Анг-

¹ Основные принципы ДРА.— В сб.: Демократическая Республика Афганистан, М., 1981, с. 158.

ли, Франции, Италии, Индии, Пакистана. В ноябре 1979 г. в Кабуле состоялся Международный симпозиум, посвященный творчеству Хушхаль-хана Хаттака — основоположника афганской литературы на языке пушту. Кроме того, в Афганистане ежегодно проводятся общенациональные конференции с участием советских и афганских ученых. Они были посвящены, в частности, жизни и творчеству Алишера Навои, Махтумкули, Ибн Сины и др.

Большим событием в культурной жизни Афганистана стала национальная конференция, посвященная 500-летию Бабура, которая состоялась 1 апреля 1983 г. в Кабуле по инициативе АН ДРА, Союза писателей ДРА и Кабульского университета. На конференции с интересными докладами выступили видные афганские ученые: Сулейман Лоек, Гулям Дастагир Панджширий, Бөрк Шафей. От советской стороны с докладами «Бабур и международное право» и «О наследии Бабура в Афганистане» выступили проф. Р. А. Тузмухамедов и А. Усманов.

Крепнут дружба и творческое сотрудничество между учеными Афганистана и Узбекистана, в частности в области совместного изучения и публикации наследия Абдаррахмана Джами и источников по истории культуры Афганистана и Средней Азии из Собрания рукописей АН УзССР. Афганские ученые с интересом знакомятся с опытом работы академических и внеакадемических научных учреждений Узбекистана.

Для совместного издания в 1983—1985 гг. намечены «Письма-автографы Абдаррахмана Джами из «Альбома Навои» по рукописи Института востоковедения АН УзССР, а также «Зеб-и тарихха» («Украшение летописей») Хусейна Али — уникальной рукописи из фонда ИВ АН УзССР, посвященной истории Афганистана XVIII в. Изучаются возможности дальнейшего расширения совместных исследований в области историографии и источниковедения Средней Азии и Афганистана на основе рукописного фонда Института востоковедения АН УзССР и рукописных коллекций Афганистана, а также по переводу с русского языка на дары трудов по истории и истории культуры Афганистана, опубликованных Институтом востоковедения АН УзССР, как «История Балха», «Ремесло и мелкая промышленность Афганистана», «Государство Бабура в Кабуле» и др.

В настоящее время Академия наук ДРА уделяет особое внимание укреплению связей науки с производством. Ученые страны разрабатывают и внедряют программы по развитию национальной промышленности и сельского хозяйства, созданию кооперативов и государственных механизированных ферм, развитию транспорта и связи и др.

Ученые Афганистана активно участвуют и в международном движении за сохранение мира на Земле. Например, весной 1983 г. ученые ДРА обратились ко всем ученым мира с воззванием объединиться и умножить свои усилия по предотвращению гонки вооружения и развязывания новой мировой войны².

Советские ученые желают успеха своим афганским коллегам в развитии научных изысканий и эффективном использовании их результатов в интересах строительства нового Афганистана.

Б. К. Каримов

² Afghanistan, 1983. N 1, vol. 36, p. 2.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О. КАРАЕВ. ИСТОРИЯ КАРАХАНИДСКОГО КАГАНАТА (X — НАЧАЛО XIII вв.)

(Фрунзе: Илим, 1983, 302 с.)

Более двух веков входили в состав государства Караханидов обширные территории Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Южного Казахстана и Восточного Туркестана. То был один из важнейших периодов средневековой истории Средней Азии, когда интенсивно развивались городская жизнь, торговля, товарно-денежные отношения, материальная и духовная культура и т. д. Тем не менее книг о государстве Караханидов до сих пор не было ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. И весьма отродно, что первая сводная работа о Караханидском каганате принадлежит перу советского ученого О. Караева, известного рядом своих публикаций по данной теме. Нельзя, правда, сказать, что О. Караев не имел здесь предшественников — достаточно назвать имена В. В. Бартольда и О. Прицака. Но в отличие от прежних исследователей он ставит перед собой более широкую задачу — осветить все стороны жизни каганата, причем наиболее подробно останавливается на династийно-политической истории, которая изложена им с наибольшей на сегодняшний день полнотой, что уже заслуживает внимания и одобрения.

Книга состоит из введения, шести глав, заключения и приложения в виде генеалогических и хронологических таблиц. Определен во введении (с. 3—6) основные задачи работы, автор в первой главе (с. 7—54) освещает историю изучения проблемы и характеризует основные источники по истории Караханидского каганата. История изучения проблемы разделена им на три периода (XIX в.; I половина XX в.; последующие десятилетия), но не приведено никаких оснований для такой периодизации, которая представляется довольно произвольной. Перечислено множество

публикаций и исследований в разных областях, но без строгой системы. Перечень работ, имеющих отношение к истории Караханидского каганата, однако, не полон, да и вообще трудно добиться здесь исчерпывающей полноты. И все же принцип отбора не ясен. Так, упомянута ранняя работа Х. М. Френа («Монеты ханов улуса Джучиева...») с описанием нескольких караханидских монет, но не названы две гораздо более важные его публикации (Recensio..., Nova Supplementa...), где этих монет издано намного больше. Непонятно, почему в число работ, рассматривающих «отдельные вопросы истории Караханидов», попала, например, статья И. Б. Михайловой «Организация айяров в Багдаде X—XI вв.» Некоторым исследованиям различных авторов дается оценка, а труды О. Прицака явно недооценены, хотя его «Караханиды» и сегодня остаются лучшей работой на эту тему.

В обзор письменных источников (с. 31—49) включено более 20 сочинений, однако подбор их довольно случаен и далек от полноты: в нем фигурируют, например, географы X в., даже не слышавшие о Караханидах, но нет единственного дошедшего до нас памятника караханидской историографии (книги ал-Катиба ас-Самарканди) и произведений ряда других авторов, содержащих конкретные сведения именно о Караханидах.

Краткие характеристики сочинений и их авторов ограничиваются в основном общеизвестными данными. Даже по поводу сочинения Ибн ал-Асира, у которого мы находим наибольшее число сообщений о Караханидах, приведено лишь высказанное еще В. В. Бартольдом мнение о достоверности большинства его сведений; в целом оно справедливо и сейчас, но не в части, относящейся к Караханидам: когда есть возможность проверить сведения Ибн ал-Асира об этой династии известиями других авторов или показаниями монет, то зачастую сведения Ибн ал-Асира оказываются неточными. К сожалению, изобилует неточностями и данный раздел книги О. Караева. Утверждается, например, будто труд Ибн ал-Асира (почему-то названного «монгольским историком», с. 43) переведен Т. Нельдеке на немецкий язык (с. 44). Тут же автор сообщает, что, тщательно просмотрев текст Ибн ал-Асира, он «перевел ряд новых отрывков по истории Караханидов». Однако в дальнейшем изложении этого практически незаметно и в подавляющем большинстве случаев О. Караев обращается не к самим текстам, а к переводам трудов и этого, и других арабоязычных авторов, причем не всегда удачным; таким представляется упоминание у Утби «Анджа, привратника к нему» (с. 117); не сразу поймешь, что речь идет о «хаджибе Аяче».

Основную часть раздела о «нумизматических источниках» (с. 49—54) составляет «перечень кладов и отдельных экземпляров, обнаруженных на территории Средней Азии» (с. 51—53), включающий 44 номера. Однако здесь учтены лишь небольшая часть караханидских кладов и ничтожная доля «отдельных экземпляров». В ряде случаев вообще невозможно уяснить, упомянут ли клад как таковой или совокупность отдельных монет. При проверке, крайне затрудненной полным отсутствием ссылок на литературу, обнаруживаются ошибки в датировке и характеристике состава ряда кладов. Непонятно, почему в перечень включены монеты Ануштегинидов и даже XIII—XIV вв. В последующих главах данный перечень не использован, да и вообще бесполезен в таком виде для читателя, знакомого с литературой вопроса, а у того, кто с нею незнаком, этот перечень может создать совершенно превратное представление о размерах фонда найденных в Средней Азии караханидских монет.

В данном разделе уместна была бы попытка охарактеризовать караханидские монеты как исторический источник, но такую характеристику, конечно, не могут заменить приведенные без должной связи и системы цитаты из работ Е. А. Давидович о сфере применения золотых монет, о типологических группах дирхемов XI—XIII вв., о критериях различения разнопробных серебряных монет. Словом, здесь (как и в последующих главах) автор проявляет недостаточное знакомство с «нумизматическими источниками», хотя сам же справедливо отмечает, сколь важную роль играют данные нумизматики в изучении политической, экономической и культурной жизни Караханидского каганата (с. 49).

Основную часть содержания второй главы (с. 55—93) составляют характеристика населения Центрального Тянь-Шаня и Семиречья и попытки доказать, что Караханиды вышли из чигилей. Вопрос о происхождении династии, конечно, немаловажен, но О. Караеву не удалось привести в пользу своей точки зрения существенные и «оставшиеся вне поля зрения исследователей исторические факты» (с. 77). Нельзя же считать «самым конкретным свидетельством в пользу происхождения изучаемой нами династии из чигилей» упоминание в одном месте «Шах-наме» владыки Турана Арджаса как «чигильского царя» (с. 77). Собственно, и О. Прицак выводил Караханидов из чигилей, считая последних частью карлуков; О. Караев же разделяет карлуков и чигилей. В конце главы рассмотрены разные названия династии и караханидская титулатура, но о степени проникновения автора в важнейшую тему о тюркских титулах можно судить по такому факту: более двух страниц (с. 87—90) отведено происхождению, разным формам чтения и передачи слова «илек», однако ничего не сказано о «цене» этого титула.

В трех последующих главах достаточно подробно прослежена династийно-политическая история Караханидского каганата: в третьей (с. 94—124) — от его возникновения до завоевания государства Саманидов, в четвертой (с. 125—164) — до нашествия киданей, в пятой (с. 166—196) — до падения династии. В своем изложении автор следует в основном В. В. Бартольду и О. Прицаку, но с поправками и

дополнениями Е. А. Давидович, С. Г. Агаджанова, М. Н. Федорова и других исследователей. Эти разделы освещены в общем удовлетворительно. Менее удачными представляются поправки самого О. Караева. Так, в разделе о восточных границах владений Караханидов (гл. III, с. 103—112) автор датирует поход Арслан-тегина против Бука-Будрача и завоевание северо-восточных земель второй половины X в., хотя В. В. Бартольд и О. Прицак с полным основанием считали, что эти события происходили в XI в., незадолго до составления труда Махмуда Кашгарского (третья четверть XI в.), беседовавшего с одним из участников похода.

Как доказали О. Прицак и Е. А. Давидович, Караханидское государство окончательно разделилось на Западный и Восточный каганаты не позже 433 (1041—42) г. х., по мнению же О. Караева юридическое оформление обоих каганатов произошло в 1070 г., в связи с заключением между ними мирного договора (с. 145—152). Следуя такой логике, отчет истории государства Сельджукидов, например, надо начинать не с 1038 г. (как принято), а с 1060 г., когда был заключен мир между Газнавидами и подчинявшимися им в свое время Сельджукидами. Еще труднее согласиться с автором, когда он уверяет, будто в эпосе «Манас», в «Огуз-наме» и «Шах-наме» «нашли отражение» и даже «воспроизведены» «важные события из истории Караханидов» (с. 98—99, 126, 164). Доверие к подобным источникам подвело его и тогда, когда на основании легенды о Сатуке Бугра-хане он называет отцом Али-тегина никогда не существовавшего Бугра-хана Хасана, сына Бугра-хана Харуна (с. 131—132, 134, 267).

Неверны и некоторые другие генеалогические построения автора. Так, Аббас приходился сыном не Ибрахиму б. Насру, а Мухаммаду б. Насру (ср. с. 226). Али-тегин (XI в.) не был отцом Абу-л-Маали Хасана (ср. с. 267) и т. д. Ни в генеалогических таблицах, ни в списках ханов не приведены годы их правления, которые не всегда ясны и из текста, но отдельные даты явно неверны, как, например, год убийства Ибрахима б. Мухаммада (не 449 г. х., а позже) и хронология некоторых его ближайших преемников (с. 162—163). Имена нескольких правителей, причем не удельных, а занимавших ханский престол, вообще не попали ни в генеалогические таблицы, ни в списки ханов, а в тексте упомянуты вскользь либо вовсе не названы (Тоған-хан Мухаммад б. Хасан, Кадыр-хан Джабраил, Акдаш Тафгач-хан Мухаммад).

Во всех трех главах ощущается диспропорция в полноте освещения отдельных этапов, событий среднеазиатской истории конца X—XII в. Слишком подробно и без нужды рассказывается о неурядицах в Саманидском государстве накануне его падения, о правителях Хорезма, о киданях (причем все это общеизвестно), но почему-то совершенно выпали некоторые эпизоды собственно караханидской истории (междоусобия после смерти Насра б. Али, поход Ахмада б. Али против «неверных» тюрок, нашествие и гибель Джабраила б. Умара, обстоятельства царствования Масуда б. Хасана и т. д.). Отчасти такие лакуны объясняются недостаточным знакомством с нумизматическими источниками, что подчас приводит к фактическим неточностям. Так, до захвата Бухары Наср б. Али был владельцем не восточной, а всей Ферганы (ср. с. 124); при Мансуре б. Али Исвиджаб не принадлежал Йусуфу б. Харуну (ср. с. 132); Али-тегин не выпускал монет при Насре б. Али и не был братом носителя лакаба Муниз ад-Даула (ср. с. 134, 135); преемник Мухаммада б. Масуда известен, причем именно по монетам (ср. с. 179); Махмуд б. Ахмад не чеканил монет в 610 г. х. (ср. с. 190) и т. д.

Иногда выводы и отождествления нумизматов приводятся без соответствующих ссылок и определения авторства. Например, О. Прицак настаивал на тождестве правившего около 415—418 г. Тоған-хана, брата Али-тегина, и того Тоған-хана, который в 435 г. х. владел Ферганой. М. Н. Федоров решительно возражал против этой точки зрения, приводя слова Байхаки о том, что Тоған-хан, брат Али-тегина, «пал» задолго до второй даты. О. Караев повторяет аргументацию М. Н. Федорова (с. 133—134), но без ссылки на него, причем приводит из Байхаки то же самое место, что и М. Н. Федоров (летопись 428 г. х.), хотя в «Истории Масуда» есть и более раннее известие о «падении» брата Али-тегина (летопись 422 г. х.), оставшееся незамеченным М. Н. Федоровым, а потому и О. Караевым. В рассказе о событиях в Фергане и участии в них Али-тегина (с. 136) О. Караев тоже следует М. Н. Федорову, хотя ссылается на каталог А. К. Маркова, где, однако, нет никакого Али-тегина, а есть титул, который прочитан публикатором как Тангач-каан, а приписан он Али-тегину именно М. Н. Федоровым, хотя и неправильно.

В последней главе (с. 197—258) без определенного порядка и системы приведены ценные и интересные, но во многом отрывочные и нередко случайные данные о скотоводстве, земледелии, феодальных пожалованиях, вакфах, классах и классовой борьбе, городах, ремесле, горном промысле, торговле, системе управления, строительстве и культуре (именно в такой последовательности). Здесь сказывается недостаточное знакомство с литературой и существом предмета. Для примера приведем весьма ответственный раздел о феодальных пожалованиях, где широкое распространение в государстве Караханидов института икта доказывается: 1) известным свидетельством Ибн ал-Асира о предоставлении Али-тегином наделов (икта) Йусуфу б. Мусе; 2) сообщение того же автора о карахытайском гурхане, который никому не давал икта (логика О. Караева совершенно не ясна!); 3) рассказом Мукаддаси о поднесаманидском военачальнике Файке, который выстроил около Мерке рабад (так у О. Караева). Из последнего свидетельства наш автор делает вывод: накануне-

не падения Саманиды не могли владеть районом Мерке, а значит, Фанк получил Мерке в качестве надела-икта за военную службу Караханидам в 995—996 гг. и выстроил здесь рабад, «от базара которого... получал большой доход» (с. 212). О. Караев, конечно, путает рабад (пригород) и рабат (пограничное укрепление), но главное — забывает, что Мукаддаси писал о саманидском времени (не позже 989 г.). Как курьез можно отметить, что из семи выделенных О. Караевым «социальных групп», существовавших в государстве Караханидов, две составляют... аййары (оценщики золота, серебра и драгоценных камней) и фитйаны (юноши) (с. 264).

В целом же широкий читатель найдет в книге наиболее полное на сегодняшний день изложение династийно-политической истории Караханидов, хотя и не лишённое существенных недочетов. При оценке труда О. Караева надо учитывать также, что это — во многом первая попытка воссоздания общей истории Караханидского каганата, нуждающейся еще в глубоких исследованиях специалистов различного профиля.

Б. Д. Кочнев

НОВЫЕ КНИГИ

О. Э. ЭШКУВАТОВ, Н. Р. РАХМАНОВ. МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

(Ташкент: Узбекистан, 1983, 214 с., на узб. яз.)

В книге предпринята попытка рассмотреть в историографическом аспекте основные вопросы марксистско-ленинского учения о национально-колониальном и национально-освободительном движении, дальнейшее развитие и конкретизацию марксистско-ленинских положений по данному вопросу на основе теоретического обобщения практики национально-освободительных революций в документах Коминтерна, КПСС и ряда братских партий.

Как подчеркивают авторы, основоположники марксизма-ленинизма придавали большое значение разработке как теории наций и национальных отношений в целом, так и теории национально-освободительного движения с классовых позиций рабочего класса.

В. И. Ленин, продолжая дело К. Маркса и Ф. Энгельса, развил дальше теорию национально-колониального вопроса применительно к эпохе империализма и эпохе перехода от капитализма к социализму, убедительно показал, что задача полного освобождения всех угнетенных наций есть составная часть общей задачи — мировой пролетарской, социалистической революции.

Авторами осуществлена периодизация ленинских работ, посвященных национально-колониальному вопросу и национально-освободительным революциям.

В работе раскрывается значение ленинского учения для разработки теоретических проблем современного национально-освободительного движения.

Много внимания уделено освещению проблем национально-освободительных революций в документах КПСС и ряда братских партий, совещаний представителей коммунистических и рабочих партий 1957, 1960, 1969 гг.

Как показано в работе, борьба народов бывших колониальных и зависимых стран за свое подлинное национальное и социальное освобождение находится в центре внимания КПСС и братских партий.

Р. Байджанов, Р. Гафурова

Л. С. ТОЛСТОВА. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ. К ИСТОРИИ РАННИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НАРОДОВ АРАЛО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

(М.: Наука, 1984, 246 с.)¹

Книга Л. С. Толстовой содержит детальное аналитическое рассмотрение легенд и преданий населения Южного Приаралья (каракалпаков, узбеков и др.) как одного из важных источников к познанию его этнической истории в древности и средние века. Автор подчеркивает при этом, что «исторический фольклор народов Приаралья еще не являлся объектом специального изучения этнографов и историков — исследователей этногенетических проблем» (с. 5), тогда как в данном регионе исторические предания и легенды (как и некоторые иные эпические жанры фольклора) сохранялись необычайно долго и несли в себе информацию многовековой, иногда двух-трехтысячелетней давности. Поэтому задача сводится к тому, чтобы извлечь из них эту информацию, дав ей должное научное истолкование путем привлечения к исследованию ее данных исторических, этнографических и других источников.

Книгу открывает глава, посвященная выявлению места исторического фольклора в системе наук, изучающих этноисторические и этнокультурные проблемы. В этой

¹ Отв. редактор Б. В. Андрианов.

же главе указываются источники предпринятого Л. С. Толстой исследования (с. 8—41).

Следующая глава рассматривает Приаралье как составную часть Арало-Каспийского историко-этнографического региона и как ареал, включающий в основном западную часть обширной среднеазиатско-казахстанской историко-этнографической области (с. 44—63).

Глава третья («Хорезм — страна легенд») освещает географические и этнографические особенности Хорезмского оазиса, исторический фольклор народов Хорезма и основные сюжеты легенд (в их вариантах) потомков ранних насельников северных окраин оазиса — легенды мюйтенов (хорезмских и зарафшанских), хорезмских каракалпаков-мюйтенов, некоторые общекаракалпакские легенды древнего происхождения и ряд сюжетов легенд узбеков («сартов») Южного Хорезма (с. 64—165).

Четвертая глава рассматривает «фольклорные мотивы народов Хорезмского оазиса, восходящие к глубокой древности (I тысячелетие до н. э.) и их исторические параллели» (с. 166—187).

Заключительная, пятая глава (с. 188—236) анализирует «отголоски массагето-аланского субстрата в фольклоре народов Хорезмского оазиса и каракалпакско-осетинские историко-фольклорные параллели (нартский эпос народов Кавказа и каракалпакский дастан «Кырк кыз»).

В заключении книги (с. 237—243) констатируется, что «исторический анализ легенд и преданий потомков раннего населения Южного Приаралья характеризует направленность этнокультурных связей, отраженных в этих легендах». Делается и тот вывод, что «исторический фольклор дает дополнительные аргументы в пользу тезиса о том, что местом формирования каракалпаков является Приаралье» (с. 239) и что «изучение этнокультурных связей народов Приаралья, восходящих к разным временам, дает материал к решению сложных этногенетических проблем и путей формирования самобытной культуры населения Приаралья» (с. 242).

Книга насыщена обильным фактическим материалом и снабжена обширным научным аппаратом. Ее оригинальное, свежее содержание несомненно привлечет к себе живейшее внимание широкого круга ученых, изучающих большую и сложную проблему этногенеза и этнической истории народов Средней Азии.

М. Н., Б. Л.

БОРИС ДМИТРИЕВИЧ КОРЖАВИН (1892—1984)

24 ноября 1984 г. после тяжелой болезни скончался член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР, заслуженный деятель науки и техники УзССР, заслуженный ирригатор УзССР, профессор, член КПСС с 1941 г. Коржавин Борис Дмитриевич.

Б. Д. Коржавин родился в 1892 г. в г. Буйе Ивановской области. Трудовую деятельность начал в 1918 г. начальником участка в 5-м Кавказском дорожно-строительном отряде. С 1925 г. работал в Узбекской ССР, вначале в проектно-изыскательском отряде «Узирстроя», Институте гидротехники; в 1940 г. был выдвинут на пост заместителя наркома водного хозяйства республики.

Он активно участвовал в проектировании и организации народных ирригационных строек Узбекистана, был главным инженером самой крупной народной стройки — Большого Ферганского канала. С 1941 по 1943 г. — председатель Госплана, затем — министр водного хозяйства УзССР, с 1951 по 1954 г. — заместитель заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б), затем вновь возвращается на работу в Узбекистан.

С 1958 по 1962 г. руководил институтом «Средазгипроводхлопок». С 1963 по 1966 г. был советником по водному хозяйству при Совете Министров УзССР. Одновременно с основной работой в качестве профессора читал курс лекций в ТИИИМСХ.

С 1966 г. Борис Дмитриевич работал в Совете по изучению производительных сил (СОПС) АН УзССР.

На всех постах, которые ему поручала партия, Б. Д. Коржавин отдавал все свои силы, знания, опыт подъему экономики Узбекской ССР. Он внес большой вклад в развитие ирригации и гидротехники республик Средней Азии и Казахстана. Как крупный ученый в этой области был избран в 1943 г. членом-корреспондентом АН УзССР.

При его активном участии была издана фундаментальная 4-томная монография «Ирригация Узбекистана». Он принимал непосредственное участие в научном обосновании переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию, разработке долгосрочного прогноза развития производительных сил республики, а также системы водосберегающих мероприятий и др.

Бориса Дмитриевича отличали высокая принципиальность, требовательность, большое трудолюбие, внимание к людям.

Б. Д. Коржавин неоднократно избирался членом ЦК Компартии Узбекистана, депутатом Верховного Совета Узбекской ССР.

За большие заслуги перед партией и государством Б. Д. Коржавин был награжден орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета УзССР, ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники Узбекской ССР».

Добрая память о Борисе Дмитриевиче Коржавине — верном сыне Коммунистической партии и советского народа — навсегда сохранится в наших сердцах.

Группа товарищей

ЗАХАР АРКАДЬЕВИЧ МИЛЬМАН (1922—1984)

13 декабря 1984 г. после тяжелой продолжительной болезни скончался один из старейших издательских работников республики, главный редактор Издательства «Фан» УзССР, член КПСС с 1954 г., член Союза журналистов СССР, заслуженный работник культуры Узбекской ССР Захар Аркадьевич Мильман.

З. А. Мильман родился 27 ноября 1922 г. в г. Немирово Винницкой области УССР. После окончания средней школы был призван в ряды Советской Армии, в 1941 г. участвовал в обороне Москвы. После контузии был демобилизован как ин-

валид Отечественной войны. По окончании в 1945 г. филологического факультета САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина) работал в республиканском радиокомитете, а с 1951 г.— в Издательстве «Фан» УзССР, где прошел путь от редактора до главного редактора (с 1959 г.).

З. А. Мильман внес большой вклад в развитие книгоиздательского дела в республике, настойчиво добивался улучшения качества подготовки научных трудов к печати, всемерно содействовал росту квалификации издательских кадров.

Много внимания уделял З. А. Мильман выпуску на высоком издательско-полиграфическом уровне работ ученых-обществоведов республики, повышению качества редакционной подготовки материалов журнала «Общественные науки в Узбекистане».

З. А. Мильман активно участвовал в общественной жизни, был членом правления Союза журналистов Узбекистана.

Партия и правительство высоко оценили ратный и мирный труд З. А. Мильмана. Он был награжден боевыми и трудовыми медалями, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. В 1972 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Узбекской ССР».

Своей энергией, профессиональным мастерством, талантливой организаторской работой З. А. Мильман заслужил высокий авторитет в коллективе Издательства и среди научной общественности.

Память о Захаре Аркадьевиче Мильмане навсегда сохранится в наших сердцах.

Группа товарищей.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1984 ГОД

ПЕРЕДОВЫЕ

	№	стр.
Навстречу 60-летию Узбекской ССР и Компартии Узбекистана	1	3—6
Расцвет науки Советского Узбекистана	10	5—8

СТАТЬИ

Аббасова Л. Участие рабочих Узбекистана в ударных стройках Сибири	4	20—23
Абдуллаев Ш. М. Участие Узбекистана в политических и идеологических связях СССР с братскими странами социализма	12	12—17
Абдурахманов И. И. Дисциплина труда — важный фактор трудового процесса	6	3—8
Алламурадов Д., Искандаров Т. Образование Узбекской ССР и укрепление местных Советов	6	9—14
Аминова Р. Х. Колхозное крестьянство Узбекистана за 60 лет	10	23—30
Ахмедов А. Влияние устного народного творчества на развитие общественно-философской мысли	8	27—33
Ахунова М. А. Рабочий класс Узбекистана — строитель коммунизма	10	15—23
Бабаев Б. Д. Диалектика эмпирического и теоретического в познании	12	22—27
Валиев А. К. Интеллигенция Советского Узбекистана	10	30—35
Васикова М. С. В. И. Ленин о социалистической законности	4	3—8
Гаипова Т. Ф. Региональные особенности формирования и использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве УзССР	6	17—22
Галкин В. И. Методологические проблемы прогнозирования трудовых ресурсов в региональных условиях	5	13—19
Гиясов Ш. Г. К методике анализа уровня механизации труда на промышленных предприятиях	7	15—19
Джумаев А. Б. Трактат о музыке Мухаммада Нишапури	1	44—50
Зайдов М. Движение сторонников мира в Узбекистане	10	88—96
Закиров И. Б. Основные черты права наследования в Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республиках	6	34—40
Закиров Э. И. О роли профсоюзов в укреплении трудовой дисциплины	3	12—17
Зальцман Л. Становление социальной однородности социалистических наций (На примере республик Средней Азии)	8	21—27
Зиядуллаев С. К. За повышение эффективности научных исследований в области мелиорации	12	3—8
Зиядуллаев С. К. Развитие производительных сил Узбекской ССР за 60 лет	10	8—15
Зияев Х. З. Развитие экономических, политических и культурных связей Узбекистана с Россией (конец XVI — начало XIX века)	1	29—36
Зиямов Ш. С. О работе по подбору, расстановке и воспитанию кадров на современном этапе	11	21—27
Зуев А. Ю. О динамике взаимодействия общества и природы	1	22—29
Ибрагимов А. Ю. Развитие хлопководства в Узбекистане на завершающем этапе Великой Отечественной войны	5	9—13
Искандеров И. И. Развитие философских, экономических и юридических наук в Узбекистане	11	3—6
Камалов С. К. Светлым путем Октября	10	75—82
Камилов К. К. Совершенствование деятельности местных Советов в свете решений апрельского (1984) Пленума ЦК КПСС	12	8—12
Касымов А. В. Развитие советской национальной государственности в свете новой Конституции СССР	1	6—9
Касымов А. М. Советский Узбекистан на международной арене	10	82—88
Касымова Г. Развитие народного просвещения в социалистической Эфиопии	8	34—39
Магруппов М. М. Машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность Узбекистана за 60 лет	9	3—9
Мамуров Т. М. Ленинские принципы работы с кадрами на современном этапе	9	17—21
Махмудов Э. Х. Строительный комплекс Узбекистана и некоторые проблемы повышения его эффективности	1	9—16

	№	стр.
Махмудова И. М. Школа управления, школа коммунизма	10	35—40
Мухамеджанов А. Результаты археологических исследований на территории города Бухары	1	36—44
Никифорова Е. Н. Осуществление принципа демократического централизма в советском государственном управлении	8	15—21
Нуритдинов Э. З. Культурное сотрудничество Узбекской ССР с Венгерской Народной Республикой	3	7—11
Нурмухамедов М. К. Развитие историко-филологической науки в Узбекистане за годы Советской власти	11	6—9
Нуруллаев А. Н. Некоторые вопросы методологии изучения ведущей роли рабочего класса в строительстве социализма	9	21—27
Пикулин М. Г. О роли Узбекистана в экономическом сотрудничестве СССР с Афганистаном на современном этапе	8	12—14
Пулатов С. П. Триумф ленинских идей	10	54—61
Пулатова М. Основные этапы формирования колхозного крестьянства Узбекистана	4	15—20
Рабич Р. Г. Изменения в структуре рабочего класса УзССР в годы социалистической индустриализации	1	16—22
Раджабова М. Д. Свободное время как важный фактор всестороннего развития личности	12	17—22
Радченко В. М. Система социально-экономических факторов региональной эффективности производства	2	17—23
Рахимбабаева З. Р. Расцвет культуры Советского Узбекистана	10	47—54
Таджиев Т. Правовые последствия реабилитации граждан	9	27—32
Ташпулатов О. А. Вклад рабочего класса Узбекистана в развитие экономических связей СССР с Анголой и Мозамбиком	9	12—16
Тихонов А. Н., Ходжиев А. П. Некоторые проблемы изучения в Узбекистане русского языка как средства межнационального общения	7	19—24
Токарев Н. В. Деятельность ученых Академии наук Белорусской ССР в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны	8	8—11
Тохтаходжаева И. Женщины Советского Узбекистана — активные строители коммунизма	11	10—20
Туленов Ж. Т. Некоторые вопросы диалектики национальных отношений	2	10—16
Турсунмухамедов С. П. Изменения в социальной структуре сельского населения Советского Узбекистана	8	3—8
Турсунов Х. Т. Из истории образования Узбекской ССР и Коммунистической партии Узбекистана	2	3—9
Ульмасов А. У. Рост благосостояния тружеников Узбекистана	6	3—11
Умурзакова О. П. Новые традиции в жизни и быту трудящихся Узбекистана	10	68—75
Уразаев Ш. З. Узбекской советской национальной государственности — 60 лет	5	3—8
Хайдаров И. М. Системное качество и его значение для науки и практики	9	32—39
Халимов Х. А. Разработка и принятие Конституции Узбекской ССР 1927 года	4	9—14
Хамидов Х. Х. Комсомол Узбекистана — верный помощник, боевой резерв партии	10	41—47
Ханазаров К. Х. Национально-государственное размежевание Средней Азии и решение национально-языковой проблемы	10	61—68
Хасанов М. Х., Хабибуллаева Д. П. Методологическое значение системного подхода в научном познании	3	17—25
Холмурадов Р. Экономическое сотрудничество УзССР с ГДР	2	23—26
Худояров Б. Подготовка сельскохозяйственных кадров Узбекистана в условиях развитого социализма	9	9—11
Шадиметов Ю. Охрана здоровья трудящихся — важный фактор развития социалистического образа жизни	6	11—16
Эрматов Х. Э. Некоторые методологические вопросы интеграции науки и производства	6	22—28
Юнусов А. М. Интернациональное и национальное в духовных ценностях социалистической нации	6	28—34
Юсупов Э. Ю. Компартия Узбекистана — славный боевой отряд КПСС	3	3—7

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Академику АН УзССР С. К. Камалову — 60 лет	9	40—43
Академику АН УзССР К. И. Лапкину — 80 лет	11	26—30
К 80-летию со дня рождения академика АН УзССР К. Е. Житова	5	20—21
К 80-летию со дня рождения академика АН УзССР М. Ю. Юлдашева	5	22—23

	№	стр.
Абдуллаев Д. Х. О соотношении понятий «мера», «количество» и «качество» труда	8	40—42
Аминов Б. Развитие интернациональных связей советской и чехословацкой молодежи (На материалах УзССР)	6	41—42
Атакузиева С. Из истории шелководства в Туркестане во второй половине XIX века	9	45—47
Бабаханов А. Х. О развитии полиграфии и формировании кадров полиграфистов УзССР	11	35—37
Басовский М. И. О территориально-отраслевой программе развития электротехнических производств в составе Комплексной программы «Хлопок»	11	31—33
Баубаев Л. Улучшение использования трудовых ресурсов — важнейший фактор эффективности промышленного производства (на материалах Андижанской области УзССР)	3	29—31
Бобоев А. Б. Основные факторы распространения национально-русского двуязычия в условиях зрелого социализма	8	42—46
Брейтбург А. Участие воинов-узбекистанцев в обороне Кавказа	6	42—44
Булгаков П. Г. «Гномоника» Беруни	11	40—43
Бурнев А. Об отживании семейной общины у узбеков в XIX — начале XX века (На этнографическом материале южных областей Узбекистана)	5	28—30
Буряков Ю. Ф., Иваницкий И. Д. Новый археологический материал по истории Дагбита	2	40—45
Бухаров А. Г. Спорные вопросы производства повторной экспертизы	2	27—29
Воробьева С. И. Взаимодействие права и народных традиций	7	28—29
Гринберг И. Я. Некоторые аспекты решения женского вопроса в МНР	1	51—54
Гуламов Х. Г. К истории русско-бухарских дипломатических отношений (Первое посольство Ирназара Максютюва в Россию)	5	30—32
Денисов Я. И., Денисова Т. Я. Пропаганда идей советского патриотизма и социалистического интернационализма на страницах газеты «Правда Востока»	2	29—30
Закутский А. С. О совершенствовании института отсрочки судебных актов	1	54—56
Зияев Х. З. Из русско-бухарских посольских связей XVII века (Русский посол Бухары в Москве)	12	34—37
Ибрагимов Р. Участие УзССР в развитии культурных связей СССР с Демократической Республикой Афганистан	11	33—35
Исмаилова Ж. Х. Народное образование в «новой части» города Ташкента в конце XIX — начале XX века	2	38—40
Камнлов Ш. М. К вопросу о разработке автоматизированных систем прогнозирования развития топливно-энергетического комплекса	9	43—45
Каримов Б. Рост трудовой активности сельских механизаторов Узбекистана в годы восьмой пятилетки	2	32—34
Касымбаев Ж. К. О роли Иртышской линии в развитии торговли между Средней Азией и Россией (XVIII — первая половина XIX века)	6	46—49
Касымов М. Р., Крахмаль К. А. Стоянка каменного века «Келес»	1	61—63
Каттабоев А. Х. Из истории сотрудничества УзССР и РСФСР в развитии искусства (1938—1960)	4	35—38
Козина О. А. Создание национально-демократических организаций в Туркестане в канун Октября	4	38—39
Кравец Л. Н. К 80-летию первых маевок в Туркестане	5	26—28
Максудов Ф. Стиль научного мышления и методы научного познания	7	29—31
Мамаджанов З. А. Роль Узбекистана в упрочении хлопковой независимости СССР в годы второй пятилетки	2	34—37
Маматов Н. М. Изменения в характере труда специалистов в условиях агропромышленной интеграции	4	31—33
Манзаров Ю. Повышение профессионального и культурно-технического уровня освоителей Каршинской степи	7	31—34
Махмудов Х. У. Вклад комсомольцев и молодежи в укрепление кормовой базы животноводства УзССР в годы девятой пятилетки	8	46—48
Михалева Г. А. Из истории торговли среднеазиатских ханств хлопковым сырьем (вторая половина XVIII — первая половина XIX века)	8	48—50
Мкртычев Т. Семантика танцовщиц в искусстве раннесредневековой Средней Азии	9	50—52

	№	стр.
Набиев Ф. Х. Из истории вовлечения трудящихся Туркестана в советское строительство	12	32—34
Назруллаев Ф. Из истории создания и развития гражданской авиации в Узбекистане (20—30-е годы)	2	37—38
Намазов Р. Д. О развитии ирригации и мелиорации в Бухарской области УзССР	4	29—31
Расулев А. Ф. Личные доходы в системе производственных отношений развитого социализма	4	27—29
Савуров М. Д. Этнокультурные процессы в семьях дунган Ташкентской области	3	31—35
Саидов И. М. Подготовка кадров для сельского хозяйства УзССР в годы восьмой пятилетки	4	33—35
Сафаев С. С. Об экономической сущности понятий «содержание труда» и «характер труда»	4	24—27
Сираждинов Ю. С. О соотношении Конституций СССР и союзных республик	7	25—27
Сулейманов И. К. Из истории ликвидации безработицы в Узбекистане (1924—1930)	1	56—59
Султанова Ш. И. Туркестанский период творчества В. В. Верещагина в оценке местной периодической печати	8	50—53
Тлашев Х. Х. Общие вопросы дидактики в трудах средневековых мыслителей Ближнего и Среднего Востока	9	47—50
Турсунов Р. Х. Из истории развития народного образования в УзССР в довоенный период	6	45—46
Турсунов С. К. Характеристике факторов развития городов УзССР в условиях зрелого социализма	12	30—32
Умаров А. К истории культурной жизни Ферганской долины в конце XIX—начале XX века	1	59—61
Уразбаева Р. Д. Из истории высшей школы Каракалпакистана	5	24—26
Устинова В. И. Роль общего образования в культурно-техническом росте рабочего класса УзССР на современном этапе	2	30—32
Хамидова Д. Трудовое воспитание учащихся средней специальной школы УзССР	11	37
Хамракулова М. Д. О совершенствовании управления кооперативным хозяйством в условиях агропромышленной интеграции	3	26—29
Чернявский В. В. О соотношении института амнистии с другими правовыми институтами	12	28—30

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, ОТКРЫТИЯ, НАХОДКИ

Абдуллаев К. Зооморфная ручка с городища Старого Термеза	4	44—45
Ахмедов А., Розенфельд Б. А. Неизвестные трактаты ал-Хорезми	2	45—47
Бердимуратов А. Гемма из Алмантепа	3	39—40
Дуке Х. Бургулюкское погребение	12	40
Исламов У. Первая нижнепалеолитическая пещерная стоянка в Ферганской долине	8	53—59
Матбабаев Б. Х. Классификация керамики Чустского поселения	7	34—38
Мирзаалиев Г. К изучению бытовой керамики средневековой Ферганы	4	40—44
Муминов А. К. Отражение идей Ибн Сины в научной мысли Индии XVIII века	9	52—54
Мухамеджанов А. Р., Семенов Г. Л. Химическая лаборатория VIII века в Пайкенде	3	35—39
Папахристу О. А. Кузнечно-слесарный инструментарий со средневекового городища Ахсикет	5	34—37
Пугаченкова Г. А. Уникальная чаша из Шуроб-кургана	5	32—34
Пугаченкова Г. А., Мадраимов А. А. Миниатюра Мухаммада Мурада Самарканди из фонда Института востоковедения АН УзССР	2	47—50
Ртвеладзе Э., Ниязова М. Первый клад греко-бактрийских монет из Бухары (Предварительное сообщение)	6	54—58
Савчук С. А. Предметы малого искусства из Кампыр-тепа	7	39—41
Сагдуллаев А. С. Особенности расселения племен в долине Сурхана в эпоху раннего железа	6	49—54
Тургунов Б. А. Новый буддийский памятник на территории Узбекистана	12	37—40

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ

Абдуллаев А., Исаков А. Использование материалов Продовольственной программы в преподавании политэкономии в Андижанском госпединституте	3	40—41
---	---	-------

	№	стр.
Акромов Ш. Из опыта преподавания курса научного коммунизма студентам ТашМИ	2	50—51
Эшкuvatов О. Э. О роли ленинского теоретического наследия в изучении истории стран зарубежного Востока (Послеоктябрьский период)	4	45—48

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ СРЕДНЕЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Нуруллаев Х. Т. Из опыта интернационалистского воспитания учащихся средних специальных учебных заведений УзССР	6	58—60
--	---	-------

НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Каримов Б. К. Создание Академии наук в Демократической Республике Афганистан	12	40—42
--	----	-------

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Девис Д. Значение рукописного фонда Института востоковедения АН УзССР для изучения суфизма	11	43—47
Джалилова Р. П. Астрономический трактат ал-Хараки	3	42—44
Касимова З. И. Ахмад-и Дзам и его наследие	4	49—53
Сандахмедов И. Ценный источник по аграрным отношениям в Бухаре XVI века	6	60—62
Хуршут Э. «Мунтахаб ат-таварих» как источник по истории Средней Азии и сопредельных стран XVIII—XIX веков	7	41—45
Шайхова А. О формах и роли ростовщичества в Хивинском ханстве конца XIX века (По документам из собрания ИВ АН УзССР)	5	37—41

ИСТОРИОГРАФИЯ

Алимова Д. А. Литература об участии женщин Узбекистана в общественном производстве в период развитого социализма	3	44—49
Иванова Л. С. Историко-аграрная литература Средней Азии 20-х годов в оценке современной историографии	11	47—50
Лунин Б. В. Академик С. Ф. Ольденбург и развитие науки в Средней Азии (20—30-е годы)	5	41—49
Лунин Б. В. К 80-летию со дня рождения А. К. Боровкова	3	49—53

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Аренберг Р., Нарбутаев Э. Совершенствование законодательства о борьбе с преступностью	2	51—53
Кочнев Б. Д. О. Караев. История Караханидского каганата (X—начало XIII вв.)	12	42—45
Семенов В. М. Каримов М. Х. Комплексный подход к интернациональному воспитанию. Проблемы теории и практики	3	53—54
Уразаев Ш. З. Кадыров А. Экономическая деятельность Советского многонационального государства	9	54—56
Хасанов А. Зияев Х. Э. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв.	4	52—53

НОВЫЕ КНИГИ

Аминова Р. Х. Исхаков Ф. Партийное руководство о повышении творческой активности рабочего класса в условиях развитого социализма (На материалах Узбекистана)	9	56
Атамуратов С. А., Жураев М. Ж. Джураев Т. А. Ленинизм и революционный процесс в Африке (Общетеоретический аспект)	1	64
Аюпов А. Т., Тураев Б. О. Каримов Б. Р. Единство диалектики, логики и теории познания: в аспекте восхождения от абстрактного к конкретному	5	49—50
Байджанов Р., Гафурова Р. О. Э. Эшкuvatов, Н. Р. Рахманов. Марксизм-ленинизм и актуальные вопросы национально-освободительного движения (Историографический очерк)	12	45
Берднев Н., Норкузиев С. Цай А. В. Становление и развитие эстетической культуры в сфере материального производства (На примере республик Средней Азии)	7	50—51
Б. Л. Баскаков Н. А. Народный театр Хорезма	11	52
Б. Л. Памятники искусства Советского Союза. Средняя Азия. Справочник-путеводитель	3	54

	№	стр.
Зухуров К. З., Петров А. А. Атаева А. Социалистический образ жизни и развитие духовных потребностей	9	56—57
Ким В. В. Реут И. С. Закономерности развития экономических связей промышленности и сельского хозяйства в социалистическом обществе	11	50—51
Мадраимов А. А. Миниатюры к произведениям Амира Хосрова Дехлеви. Альбом.	7	51
М. Н., Б. Л. Л. С. Толстова. Исторические предания Южного Приаралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона	12	45—46
Норкузиев С. Х. Файзулина С. Х. Становление и развитие эстетического воспитания школьников Узбекистана	11	51—52
Пикулин М. Г. Махмудов Э. Р. Транспорт современного Афганистана. Некоторые экономические проблемы	2	53
Раджабов С. А., Шагалов Е. С. Кадыров М. Интенсивное развитие сельского хозяйства Узбекистана	1	63—64
Саркисянц Г. П. Миньковский Г., Мирзажанов К. Проблемы охраны правопорядка и борьбы с правонарушениями	7	49
Ташкуватов Ш., Петров А. А. Садыков С. А. Взаимосвязь классового и национального в развитии социалистического общества	8	60
Ходжиев Э. Х. Касымов Юлчи. Из истории борьбы народов Узбекистана за воду в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)	8	60—61

ДЕПониРОВАННЫЕ РУКОПИСИ

Соболев В. В. Историко-культурные предпосылки творчества Джеффри Чосера	4	55
---	---	----

ХРОНИКА

Алимова Д. А., Жураев М. Ж. XXXII научная конференция историков СССР и ГДР	1	64—65
Кнопов Б. И. Научно-теоретическая конференция «Роль русского народа в исторических судьбах народов Советского Востока»	9	57—58
Кнопов Б. И. Совместная научная сессия АН УзССР и САО ВАСХНИЛ	11	52—53
Кнопов Б. И., Мамаджанов З. А., Мухамедов А. Р. Годичное собрание Академии наук УзССР	4	53—55
Левтеева Л. Г. Новые экспонаты Музея истории народов Узбекистана	7	47—48
Муниров К., Салихова М., Умарова Н. Пополнение фондов АН УзССР	8	59—60
Савуров М. Д. Научно-практическая конференция «Современное социальное и этническое развитие народов СССР, миновавших стадию капитализма»	7	45—46
Ташбаева Т., Савуров М. Этнографическая экспедиция Института истории АН УзССР 1984 года	9	58
Умурзакова О. П., Скрипников Н. К. В Институте философии и права им. И. М. Муминова	11	54—55
Хасанов М. Х. Всесоюзная конференция философов	7	45—46
Ходжаев А. Х. Создание Узбекского республиканского отделения Всесоюзной ассоциации китаеведов	3	54—55
<u>Алексей Григорьевич Батыгин (1908—1984)</u>	11	56
<u>Дмитрий Георгиевич Вороновский (1908—1984)</u>	3	55—56
<u>Борис Дмитриевич Коржавин (1892—1984)</u>	12	47
<u>Захар Аркадьевич Мильман (1922—1984)</u>	12	47—48
Новая тематика научных исследований, докторских и кандидатских диссертаций по юридическим наукам в свете решений ноябрьского (1982 г.) и июньского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС	2	54
Утвержденные темы докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам	9	60—61
Утвержденные темы докторских и кандидатских диссертаций по философии и научному коммунизму	5	51
Утвержденные темы докторских и кандидатских диссертаций по философии и научному коммунизму	9	59

МУНДАРИЖА

С. К. Зиёдуллаев. Мелиорация соҳасидаги илмий тадқиқотлар самарадорлигини ошириш учун	3
К. К. Комилов. КПСС МК апрель (1984) Пленуми қарорлари асосида маҳаллий Советлар фаолиятини такомиллаштириш	8
Ш. М. Абдуллаев. СССРнинг қардош социалистик мамлакатлар билан сиёсий ва ғоявий алоқаларида Ўзбекистоннинг иштироки	12
М. Д. Ражабова. Буш вақт — шахснинг ҳар томонлама камол топишида муҳим фактор	17
Б. Д. Бобоев. Билишда эмпирик ва назарийлик диалектикаси	22

Илмий ахборот

В. В. Чернявский. Авф этиш тартибларининг бошқа ҳуқуқий тартиблар билан ўзаро муносабати тўғрисида	28
С. Турсунов. Ривожланган социализм шароитида Ўзбекистон ССР шаҳарларининг ривожланиш факторлари характеристикаси	30
Ф. Х. Набиев. Туркистон меҳнаткашларини совет қурилишига жалб қилиш тарихидан	32
Х. З. Зиёев. XVII асрдаги рус-бухоро элчилик алоқалари тарихидан (Бухоронинг рус элчиси Москвада)	34

Фан янгилклари: изланишлар, кашфиётлар, топилмалар

Б. А. Турғунов. Ўзбекистон территориясидан янги топилган будда ҳайкали	37
Х. Дукел. Бурғулуқ даврига оид қабр	40

Чет эл фани

Б. К. Каримов. Афғонистон Демократик Республикасида Фанлар академиясининг ташкил этилиши	40
--	----

Танқид ва тақриз

Б. Д. Қочнев. О. Караев. Қорахонийлар хоқонлиги тарихи (X—XIII аср боши)	42
--	----

Янги китоблар

Р. Бойжонов, Р. Ғафурова. О. Э. Эшқувватов, Н. Р. Раҳмонов. Марксизм-ленинизм ва миллий-озодлик ҳаракати масалалари (Исторнографик очерк)	45
М. Н., Б. Л. Л. С. Толстова. Жанубий Оролбўйининг тарихий ривоятлари. Орол-Каспий регион халқларининг илк этник-маданий алоқалари тарихига доир	45
Борис Дмитриевич Коржавин (1892—1984)	47
Захар Аркадьевич Мильман (1922—1984)	47
Журналнинг 1984 йилги мундарижаси	49

СОДЕРЖАНИЕ

С. К. Зиядуллаев. За повышение эффективности научных исследований в области мелиорации	3
К. К. Камиров. Совершенствование деятельности местных Советов в свете решений апрельского (1984) Пленума ЦК КПСС	8
Ш. М. Абдуллаев. Участие Узбекистана в политических и идеологических связях СССР с братскими странами социализма	12
М. Д. Раджабова. Свободное время как важный фактор всестороннего развития личности	17
Б. Д. Бабаев. Диалектика эмпирического и теоретического в познании	22

Научные сообщения

В. В. Чернявский. О соотношении института амнистии с другими правовыми институтами	28
С. Турсунов К. характеристике факторов развития городов УзССР в условиях зрелого социализма	30
Ф. Х. Набиев. Из истории вовлечения трудящихся Туркестана в советское строительство	32
Х. Э. Зияев. Из русско-бухарских посольских связей XVII века (Русский посол Бухары в Москве)	34

Новое в науке: поиски, открытия, находки

Б. А. Тургунов. Новый буддийский памятник на территории Узбекистана	37
Х. Дуке. Бургулюкское погребение	40

Наука за рубежом

Б. К. Қаримов. Создание Академии наук в Демократической Республике Афганистан	40
---	----

Критика и библиография

Б. Д. Кочиев. <i>О. Караев. История Караханидского каганата (X — начало XIII вв.)</i>	42
---	----

Новые книги

Р. Байджанов, Р. Гафурова. <i>О. Э. Эшкватов, Н. Р. Рахманов. Марксизм-ленинизм и актуальные вопросы национально-освободительного движения (Историкографический очерк)</i>	45
М. Н., Б. Л. Л. С. Толстова. Исторические предания Южного Приаралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона	45
<u>Борис Дмитриевич Коржавин (1892—1984)</u>	47
<u>Захар Аркадьевич Мильман (1922—1984)</u>	47
<i>Содержание журнала за 1984 год</i>	49

Цена 65 к.

Индекс
75349